

АЛЕКСАНДР ИГНАТОВ

ГАВИЛАН

ОХОТНИК НА ЧУДИЩА

16+

Александр Михайлович Игнатов

Гавилан, охотник на чудищ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50062552

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-08042-3

Аннотация

Гавилан, молодой парень, мечтает стать самым лучшим охотником на чудищ. Он только начинает свое путешествие по миру Телехии, сражаясь со множеством монстров, как известных ему по бестиариям, так и совершенно неизученных. Конечно, не все удастся ему с первого раза, но благодаря поддержке друзей Гавилан преодолевает все трудности на своем пути. К сожалению, он не догадывается, что его действия мешают одному из самых страшных чудовищ Телехии...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Губитель книг	25
Глава 2. Сумрачный Город	77
Глава 3. Форма, жизнь, движение, смерть	129
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Пролог

– Нет, ну это уже никуда не годится! – воскликнул Агрилий, деревенский староста. – Уже третья корова за месяц, а дело ни капли не сдвинулось! А как быть с молоком зимой?

Толпа крестьян, от малолетних детей до седых стариков, собралась вокруг трупа коровы, найденной на пасечном лугу. У коровы были выедены все внутренности в области живота, при этом остальные части тела никто не трогал, даже не задевал. Тот факт, что корова была не первой, найденной таким образом в маленькой деревеньке Нижняя Валушка, говорил о том, что селяне имели дело с каким-то извращенным мстителем, решившим погубить деревню.

Полузабытые деревни выживали большей частью за счет своих собственных сил, реже – продажей сельскохозяйственных продуктов или ремесленных поделок на общем рынке, который находился в нескольких днях пути. Смерть даже одной коровы – проблема, ведь теленок будет долго расти, прежде чем начнет давать молоко, а стоимость взрослой коровы была чрезвычайно большой не только для простого селянина, но и для старосты. Смерть трех коров за одно лето означала, что деревня будет голодать будущей зимой.

После убийства второй коровы деревенские парни съездили за следователями в Пироград, центральный город в округе, который находился примерно в пяти днях езды от Ниж-

ней Валушки. Приехавшие блюстители закона, однако, за полумесячное пребывание в деревне так и не смогли ничего узнать, так как никогда с такими случаями не сталкивались. Они не могли даже найти следы преступника, настолько умело он скрывался. Староста Агрилий долго терпел следователей, но с каждым днем все больше и больше сердился, ведь лето подходило к концу, а урожай из-за всех случившихся происшествий мало кто собирал.

В Телехии, огромном материке, плывущем посреди бескрайнего океана, смена времен года происходит довольно точно. В году всего восемь месяцев, по два на каждое время года. Месяцы делятся по пять недель, в каждой неделе ровно десять дней, а в каждом дне – двадцать часов. Как бы кому ни было странно, но по окончании второго месяца сразу заметно изменение в природе – весна сменяется летом, зима заменяет осень. Воздух и почва моментально приспособляются к новой погоде, как и растения с животными, поэтому людям тоже приходится мириться с резкими переменами. Вот почему лето – период пахоты, выращивания культур и сбора урожая – так высоко ценилось по всей Телехии, и почему Агрилий нервничал, понимая, что всего через неделю весь несобранный урожай превратится в гниль.

– Я вам оставил половину своих парней, а вы до сих пор ничего толком не сделали, окаянные! – кричал он следователям, трясая своей худосочной рукой в просторной льняной рубашке. – Как мне общину кормить зимой, а? Мало того,

что коров почти не осталось, так еще вы меня без пшеницы и картошки оставите!

– Спокойно, папаша, – ответил один из следователей. – Вы сами прекрасно понимаете, что случай не обычный, так чего возникать?

– Я не буду возникать, если ваша пирогоградская следственная служба выделит мне пару коров или хотя бы денег на них, – ответил Агрилий. – Но я знаю, что мне ни шиша не будет, а тем временем лето к концу подходит. И чем мне кормить людей в деревне? – с досады он пнул коровий труп. Труп ответил протяжным воем, вышедшим из пустой разорванной кишки.

Следователь вздохнул.

– Мы обыскали весь луг, но так и не нашли никаких следов от ботинок. Единственные следы на лугу – это следы лап ваших собак, да копыт злополучной коровы, – сказал он.

Староста взвился:

– Каких собак, вы что, очумели? У нас никогда ни одной собаки не водилось, даже близко не бегало!

Следователь ошеломленно глянул на Агрилия.

– А следы тогда откуда?..

Народ мигом побежал смотреть следы на поле. Действительно, всюду на прополотой земле были отпечатаны следы, сильно смахивающие на собачьи – такие же формы подушечек, столько же пальцев.

– Собаки же, ну, мастер Двиллий, – сказал один из следо-

вателей. – Даже когти заметны.

– Запиши это в протокол, Скаддиус, – ответил Двиллий, начальник следователей. Скаддиус мигом достал небольшой пергаментный блокнот, меловой карандаш и стал быстро что-то строчить.

Двиллий тем временем наклонился к следу и внимательно оглядел его.

– Ну да, собака... Что я, следов собаки не видел?.. Вот только с чего вдруг собаке пришло в голову загрызть корову, да не одну?..

– Да ну не может быть так, мастер следователь, – воскликнул кто-то из деревенщин. – Я видал собак. Маленькие они для коровы. Не смогут они ее съесть.

– Может, и маленькие, – согласился Двиллий. – Вот только это может быть стая собак, бродячая стая. Как думаешь, Штрум?

Третий следователь пожал плечами.

– Наверяд ли, мастер Двиллий. Мне кажется, собаки напали бы на корову со всех сторон и разодрали. А наша коро-ва...

– Не ваша она корова, а наша! – вставил свое слово Агрилий. Штрум поморщился и продолжил:

– Корова была целехоньякая, не считая пуза. Собаки бы этим не ограничились, да и не получилось бы у них.

– Верно говоришь, Штрум, – ответил мастер следователь и повернулся к старосте. – Похоже, у вас тут, кроме преступ-

ника, бегают еще одна или несколько бродячих собак.

– Собаки говорят «гав-гав», – сказала маленькая девочка, стоявшая рядом со следователями и прижимавшая тряпичную куклу к груди, как будто опасаясь, что ее может постичь та же судьба, что и корову.

– И то верно, мастер следователь, – поддакнул парень в холщовой рубашке. – Собаки ж брехучие, в городе от них по ночам покоя нет. И тут они бы лаяли, да только не слышали мы ничего никогда.

Скаддиус закашлялся и протер рукавом свои очки. По его лицу было видно, что он расстроился, услышав полный разгром теории о собаках от простого мужика.

– И что ж нам делать? – спросил он мастера Двиллия.

– Ну явно не на заднице сидеть! – продолжал гнуть свое Агрилий. – Вы ж не на казенных харчах две недели живете, а на деревенских, а нам самим...

– Мы поняли, господин Агрилий! – раздраженно повысил голос Двиллий и поднял высокий воротник плаща. – Не беспокойтесь, наше проживание служба вам оплатит. За корову не ручаюсь... Но дело действительно непростое...

– Может, это кто-то из деревни сам убивает коров, чтоб за них денег от нас получить? – предположил Скаддиус и сразу же начал вписывать свои предположения в блокнот.

– Я те дам, «денег получить», ирод проклятый! – Агрилий не выдержал и впал в ярость, набросившись с поднятыми кулаками на Скаддиуса с его несчастным блокнотом. Штрум

вовремя среагировал и бросился наперерез старосте, схватил его, заломив руки, и так удерживал, пока гнев Агрилия полностью не выветрился.

Староста выл:

– Я своих-то знаю! У нас никто не будет всем во вред коров убивать! Денег получить, надо же! Это у вас, треклятых, в городе деньги важнее, а нам корова много дороже будет! Придумают тоже! Лишь бы в своих бумажках пописать, а о наших бедах никто не заботится! Куда катится мир...

– Это псевдособака.

Из толпы вышел светловолосый мальчик лет восьми в шерстяной накидке. В руках он держал маленькую книжку, немного потрепанную по краям и с налетом грязи на ребрах страниц.

– Чего-чего? – удивленно переспросил Двиллий.

Мальчик повторил:

– Это псевдособака. Внешне похожа на обычную собаку, только голова другая. Желудка у псевдособаки нет, поэтому есть обычную еду она не может, и ей приходится кушать переваренную пищу, выгрызая желудки у других животных. Вот почему у коровы только живот вырван. Псевдособаке больше не надо.

– Ишь ты чего, – усмехнулся парень в холщовой рубашке. – Это откуда ты такого набрался, Гавилан?

– Вот, – мальчик протянул книжку мастеру следователю. – Здесь все написано.

Двиллий взял книжку и взглянул на обложку. На книге было написано «Удивительные твари Восточной Телехии. Поля и леса». Двиллий вопросительно взглянул на мальчика.

– Мне дядя из города привозит, – стал оправдываться Гавилан. – Я в три года научился читать, а книг у нас в деревне очень мало, вот он мне и возит. Мне нравится читать про чудищ, вот я и прошу у него брать именно такие книги.

– И что же еще ты знаешь о псевдосообаках, Гавилан? – спросил Двиллий.

Мальчик ответил:

– Псевдосообаки сильные и быстрые. Они постоянно ищут еду и могут бегать на большие расстояния. В книге пишут, что они часто бегают около деревень или в лесах, так как там еду найти проще и ее легче загрызть.

– О, мастер следователь! – воскликнул рыжий бородатый мужик с котомкой за плечами и хлопнул себя по лбу. – Я тут охотой иногда промышляю, и как раз вспомнил, что видел пару раз мертвых зайцев с вот такой же дырой в пузе, аки у коровы. А, и еще один раз лисицу тоже увидел. Я как то не придал смысла, а тут вот вспомнилось...

Гавилан оглянулся на мужика и продолжил:

– А не лают псевдосообаки потому, что лаять нечем. У них и пасти такой, как у собак, нет, только зубов много, в несколько рядов, и глотки нет, рот сразу в кишки переходит.

– Что-то не верится мне в это, мастер Двиллий, – сказал Скаддиус, подозрительно косясь то на мальчика, то на старо-

сту. – Никто толком и не видел этих псевдособак, а в книжках всякое написать могут.

– Ну, я слышал немного про псевдособак, – ответил Двиллий. – А в книжках и ты вон иногда такую чушь пишешь, что читать противно, – Скаддиус покраснел, а мастер следователь повернулся обратно к Гавилану и спросил: – А как ловить псевдособак, не скажешь?

– Скажу, – ответил Гавилан, улыбнувшись и радостно воспряв духом. – В книгах и это было написано.

К вечеру следователи сидели в доме, где жил Гавилан со своими родителями, братьями и сестрой. Мать семейства была очень горда тем, что средний сын принимает важное участие в работе следователей из Пирограда. Она все трещала без умолку о том, какой Гавилан хороший и какой он прекрасный помощник в работе родителей. Не забывала она, конечно, и про других своих детей. Однако ее болтовня была скорее фоном для разговора следователей и Гавилана, который объяснял, как нужно ловить псевдособаку.

На следующее утро мастер следователь Двиллий пошел к Агрилию с просьбой взять овцу.

– Вы у меня и овцу хотите забрать? – спросил Агрилий, поразившись наглости следователя. – У нас в деревне всего две овцы, с одной нам шерсти точно не хватит. Мы баранину даже не едим!

– Господин староста, нам нужна эта овца. Если вы нам ее не отдадите сейчас, кто знает, может, мы найдем эту овцу

через неделю мертвой на поле, – ответил Двиллий. – Ну, или вы можете дать еще одну корову...

– Нет! – крикнул Агрилий. – Это последняя корова!

– Дедушка Агрилий, отдайте овцу, пожалуйста, – вдруг вмешался в разговор Гавилан, стоявший за спиной следователя. – Она нужна для поимки псевдособаки...

Агрилий изумленно посмотрел на Гавилана.

– И что вы втолковали ребенку? – спросил он, взглянув на Двиллия. Тот попытался начать оправдываться, но Агрилий остановил его жестом. – Ладно, – сказал он, – дам я овцу. Но только я пойду с вами, и буду непрерывно следить за ней и за вами, ясно?

Двиллий вздохнул, прошептав еле слышно: «Что за деревенька», и кивнул.

– Хорошо, – ответил он. – Но если вдруг что-то с вами случится, я за вас не отвечаю. Все-таки это дело для следователей...

– Дедушка Агрилий, я тоже пойду! – важно сказал Гавилан, уперев руку в стену. Агрилий косо поглядел на него, ища рукой вслепую свою метелку.

– Ишь, чего ты удумал, малой! – пригрозил он. – Псевдособака – это тебе не какой-то там котенок! Ни за что ты не пойдешь!

Гавилан насупился и посмотрел на Двиллия, ища у того поддержку. Двиллий покачал головой.

– Нет, Гавилан, тебя я не возьму. Ты действительно слиш-

ком мал для такого дела.

Гавилан обиделся и, насупившись, молча выбежал из избы старосты.

– До чего довели ваши городские штучки наших ребят, – поцокал грустно языком Агрилий и тут же с сердитым лицом повернулся к следователю. – Не было такого, пока вся эта бурда не началась! Что за лето... Так и помереть недолго. – Он помолчал, подумав о чем-то своем, старческом. – Ну что, мастер следователь?

– Что? – спросил Двиллий.

– Что делать то с овцой надо?

Пока Двиллий вкратце объяснял старосте план действий, тот охал, почесывал свою длинную седую бороду и грустно цокал языком. Но делать было нечего, ведь потеря овцы все же была меньшим злом, чем потеря всей деревенской скотины, а то и людей. Выслушав мастера следователя, Агрилий проводил его до калитки, а сам пошел во двор к овце, обнял ее, снова задумавшись о чем-то вечном. Потом он сел рядом с овцой и стал ждать вечера, тихонько напевая старые деревенские песни себе под нос.

К вечеру на пшеничное поле около деревни вышли трое следователей, каждый из которых держал при себе обоюдоострый меч и пистоль. Сзади плелся староста, ведя за собой на удавочке овцу. Овца до конца не понимала, что с ней собираются делать, но на всякий случай боялась.

– Идеальный вечер для ловли монстра, – вздохнул Штрум,

глядя на колышущиеся верхушки деревьев, стоящие на окраине поля. Там начиналась небольшая рощица, довольно быстро переходящая в густой и угрюмый лес.

Облака почти полностью закрыли небо, свет достигал земли, переливаясь в воздухе разными цветами. Было немного зябко. На растущей траве выступила роса. Растения боялись замерзнуть до того, как к власти придет зима, всегда укрывающая своим теплым бархатным снегом.

Начал накрапывать дождик, и без того мокрые сапоги следователей стали хлюпать и набирать грязь на подошвы. Старик Агрилий еле слышно ворчал про себя, пеняя на то, что осень почти началась, а пшеница так и не убрана.

– Давай здесь, – сказал Двиллий Агрилию, указывая на небольшую ложбинку на поле. Агрилий вздохнул. Штрум достал колышек, вбил его в землю прямо в центре ложбинки, Агрилий взял удавочку за конец и крепко привязал ее к этому колышку. Овца забеспокоилась, но деваться было некуда – удавочка крепко держала ее за шею.

– Скаддиус, Штрум, готовьте полянку, – продолжил мастер следователь. Двое следователей достали из своих заплечных сумок толстые рукавицы. Надев их, Скаддиус вытащил из сумки длинную стальную проволоку с обвязанными то тут, то там кусками тонкой острой лески. Штрум помог ему размотать проволоку и обложить ее вокруг ложбинки с овцой.

– Зорюшку только не заденьте, – взмолился Агрилий.

Двиллий тем временем вытащил флакончик с какой-то бурой жидкостью и огляделся.

– Вон там поодаль кусты, за ними и спрячемся, – сказал он. – Все готовы?

– Да, мастер следователь, – хором ответили Штрум со Скаддиусом. Агрилий просто молча кивнул.

– Тогда идите, я за вами, – ответил Двиллий.

Когда все ушли к кустам, Двиллий откупорил бутылку и, рефлекторно понюхав ее, поморщился.

– Ну и гадость, – буркнул он, разливая содержимое бутылки на ложбинку, на проволоку и рядом с овцой. Овца было заметалась, но удавка все еще прочно ее удерживала, не давая ни малейшей надежды на побег. Опустошив бутылку, Двиллий отбросил ее подальше, а сам уныло поплелся к кустам. Ветер пробирал его до костей, и никакая теплая служебная одежда не могла спасти следователя от холода.

Двиллий уселся в кустах прямо между двумя своими подчиненными и достал окуляр из-за пазухи.

– Ничего пока не замечали? – прошептал он.

– Нет, – ответили ему также шепотом.

Двиллий приложил окуляр к глазу и стал осматривать поле.

– Ничего не вижу, – процедил он сквозь зубы. – Когда наша ловушка уже сработает? Такое ощущение, что вонь от бутылки стоит на все поле...

Вонь действительно разошлась на большое расстояние, во

многим благодаря разбушевавшемуся ветру, который со временем только усиливался. Овца уже не металась, она только иступленно блеяла, жмуря глаза, и неудивительно – ведь в бутылке была ядреная смесь животной мочи, грязи и гнилого мяса. Такой запах, чем-то напоминающий переваривающуюся пищу, должен был, по идее, привлечь псевдособаку, но пока что на поле никого не было видно, как Двиллий не глазел в свой окуляр.

– Неужели все впустую, – шептал он про себя, не отрывая от окуляра глаз. Шея уже начала побаливать от постоянного верчения и задувающего за воротник ветра.

Неожиданно Двиллий боковым зрением заметил какое-то движение на краю поля. Он направил окуляр на то место и стал упорно всматриваться, заметно нервничая. Вдруг он грязно выругался.

– Ах ты, несносный мальчишка, – буркнул он и вскочил на ноги, бросив окуляр. Не теряя ни мгновения, он выбежал на поле. Только тогда Скаддиус, Штрум и Агрилий заметили, что по полю бежит Гавилан, размахивая бутылочкой с зеленоватой жижей.

– Дядя Двиллий! – обрадовался он следователю, несущемуся к нему со всех ног. – У нас тут свинку пропоносило, и я это в смесь добавил, чтобы запах сильнее был!

– Ты что делаешь?! – заорал Двиллий на бегу. – Я же сказал, что тебе сюда нельзя приходить!

– Но дядя Двиллий! – возразил Гавилан. – Это же я все

придумал...

Внезапно Гавилан споткнулся о межу и упал. Бутылочка, которую он нес в руках, упала и разбилась от сильного удара об землю. Вонь не замедлила растечься вместе с жижей. Действительно, смесь Гавилана была куда ядренее, чем та, которую принес с собой Двиллий. Мастер следователь закрыл рот и нос рукавом, но у него защипало даже в глазах. Следом прибежали остальные. Агрилий был позади всех, и он не успел добежать, как вдруг остановился от ужаса, который он увидел перед собой, и закашлялся.

На поле, недалеко от овцы, показалась небольшая серая фигура. Видом своим она напоминала волка, только сильно облезлого. На голове у фигуры был виден небольшой рог. Фигура любопытно оглядывала следователей и Агрилия с Гавиланом.

– Псевдособака, – ужаснулся Двиллий.

Псевдособака еще немного посмотрела на людей. Все ее тело сплошь состояло из мышц, которые перекачивались под кожей в нетерпении. Неудивительно, что такому монстру нужно было много еды! На затылке у псевдособаки торчал небольшой хохолок. Глаза у нее были маленькие, похоже, что на зрение она особенно не полагалась. Зато у псевдособаки был огромный нос с большими ноздрями, которые колыхались каждый раз, когда жадно вдыхали воздух. Из конца морды у нее торчали два толстых шиповидных клыка.

Из псевдособаки слышался какой-то внутриутробный

рокот, она повернулась к овце и набросилась на нее. Агрилий испуганно охнул, а от живота овцы осталась только каша. Морда псевдособаки была вся в густой багровой крови, стекающей прямо с подбородка. Чудище опять рокотнуло и побежало к людям.

– Осторожно! – только и успел крикнуть Двиллий. Но не успела псевдособака начать свой бег, как задела задней лапой острую проволоку. Из лапы полилась черная кровь, мгновенно облив всю траву вокруг. Псевдособака не то взвизгнула, не то заклокотала, и припала на колени.

– Пистолы! – скомандовал Двиллий.

– Не поможет, дядя Двиллий, – Гавилан уже встал с грязи, виновато отряхнувшись. – У псевдособак толстые мускулы. Их только резать хорошо.

– Ты почто, окаянный, тут делаешь! – очнулся Агрилий, позабыв о том, что они стоят в самом эпицентре вони от жидкости из бутылки. – Придем домой, все мамке скажу, уж она тебя накажет!

– Если вернемся, староста, – ответил Скаддиус, вытащив пистоль из набедренной сумки.

– Уходи с ребенком, Агрилий, – сказал старосте Двиллий, потянув его за руку, – пока псевдособака не оклемалась. Слишком опасно тут находиться.

Агрилий не стал спорить и взял Гавилана за руку. Тот пытался сопротивляться, но рука старика все же был тверже, и староста потащил мальчика в сторону деревни.

Тем временем псевдособака оправилась от раны на лапе и понеслась на следователей. Скаддиус со Штрумом выстрелили. От одной пули чудище увернулось, вторая же попала в плечо. Псевдособака немного затормозила, но почти сразу же вернула прежнее ускорение.

Пистоль Двиллия заело то ли от сырости, то ли от какой-то скрытой неисправности. Двиллий пытался нажать на курок, но тот лишь съезжал без толку. Псевдособака уже практически настигла их, пригнувшись для прыжка. Штрум инстинктивно закрыл лицо руками...

Но псевдособака и не целилась в лицо. Она словно окунулась в брюшную часть тела Штрума, тот даже не успел что-нибудь сказать. Двиллий мог только заметить несколько рядов острых и тонких, словно маленькие бритвы, зубов, яростно вгрызающихся в живот товарища. Скаддиус взвыл от страха, уронив свой пистоль на землю. Столь же молниеносно псевдособака оторвалась от Штрума, куски его кишок упали со шлепком на землю, а следом за ними и сам Штрум.

Наверное, вкус следователя не особо понравился псевдособаке, ибо она практически бесшумно выбежала обратно на поле и, заметив уходящих Агрилия с Гавиланом, понеслась к ним.

– Стой! – крикнул ей вслед Двиллий, но псевдособака даже не обратила на него внимания. Вот она уже почти настигла мальчика...

Гавилан развернулся, в его сжатом кулачке что-то мельк-

нуло. Паренек размахнулся и выбросил все, что у него там было, перед псевдособакой. Агрилий, оглянувшись на псевдособаку, упал от страха.

Чудище наступило на одну выброшенную Гавиланом штуку, и раздался глухой хлопок. Вслед за ним раздалось еще два таких хлопка. Псевдособака печально зарокотала, ослабила лапы и по инерции пролетела еще пару метров, прежде чем взрыть землю торчащими клыками.

Подоспевший Двиллий увидел, что лапы, которыми упавший монстр беспомощно мотал из стороны в сторону, разорвало так, что пальцы на них смотрели в разные стороны, а из сухожилий торчали маленькие острые стеклышки. Черная кровь реками струилась из раненых конечностей псевдособаки. Чудище неистово рокотало и дергалось, но не могло снова встать, ему было больно. Двиллий молча достал меч и отрубил псевдособаке голову. Голова не сразу поддалась, ибо мышцы на шее монстра были не менее мощными и толстыми, чем на всем его теле.

– Какой ужас, – прошептал оправившийся Агрилий, перекрестясь.

Двиллий молчал. Он смотрел на огромную черную лужу под псевдособакой, которая быстро увеличивалась в размерах. Удивительно, как интенсивно работало сердце псевдособаки, чтобы перегонять большое количество крови по всем мышцам, работающим беспрестанно во время поиска пропитания для себя.

– Я это тоже в книгах прочитал, – прервал тишину Гавилан. – У старших друзей взял немного пороха и разбил стекло в коровнике, все равно там уже почти никого нет. Я же говорил, что псевдособаку нужно резать...

Двиллий вздохнул. «Штруму все равно уже никак не можешь», подумал он.

– Пошли за деревенскими, – сказал он подоспевшему Скаддиусу, у которого дрожали коленки. – Соберем здесь все, что осталось.

Сумерки начались раньше из-за дождя. Уже почти стемнело. Дорогу к деревне совсем размыло, было очень скользко. Несмотря на это, дед Агрилий шел сам и вел с собой Гавилана, а вот Двиллий со Скаддиусом поддерживали друг друга, чтобы не упасть.

В деревне новость восприняли молча. С одной стороны, наконец-то в Нижней Валушке избавились от проблемы, мучавшей их все лето. С другой, сами жители деревни лишились скотины, а следователи лишились своего человека. К тому же, кто теперь мог ручаться, что по округе не бегают еще псевдособаки?

– Труп чудища я заберу с собой в Пироград, – сказал Двиллий на деревенском совете, собранном на следующее утро. – Штрума... Я тоже заберу с собой.

– А нам-то теперь что делать? – спросил Агрилий, опираясь на запыленный посох, который он достал из дальних углов своей избы. Предыдущий день отнял у него последние

силы, поэтому самостоятельно стоять ему было трудно. – Я все понимаю, конечно, но и вы нас поймите. Три коровы, овца...

– Я знаю, господин староста, – тихо рыкнул Двиллий в ответ. – Я обязательно все распишу в протоколе, в том числе и ваши нужды. Кстати, есть еще одна просьба... Я бы хотел еще кое-что взять... Вернее, кое-кого.

Он огляделся, но, видимо, не нашел того, кто был ему нужен.

– А где Гавилан? – спросил мастер следователь.

– Сын дома сидит, наказан он, – сказал высокий мужик со смолянисто-черными волосами, в котором Двиллий узнал отца Гавилана, которого видел, когда сидел у них в гостях. Двиллий решил не терять инициативу.

– Как насчет того, чтобы я взял вашего сына в Пироград, в академию? Глядишь, вырастет умный парень. Он сейчас много надежд подает.

– Ну я ажно не знаю, – раскраснелся отец Гавилана. – Это надо посоветоваться...

– Чего тебе советовать, Грашик? – закричал Агрилий. Усталость у него словно испарилась. – Это же какие эти-то... Возможности! Хотя, я бы сильно таким следователям не доверял...

– Дак мне-то с женой надо поговорить, – засмутился Грашик. – А то она, сам знаешь, Агрилий, своевольная.

– Так она б тебя и не спрашивала бы, – возразил Агри-

лий. – Она бы мигом Гавилана собрала. А что, вдруг он и за нас там слово скажет, за корову, например?

– Ну за корову то можно, – согласился отец Гавилана.

Действительно, мать Гавилана уговаривать не пришлось. Это была ее мечта – отдать сына на обучение в какой-нибудь большой город. Таким образом, уже к вечеру того же дня Гавилан вышел из дома с огромным мешком, полным вещей. Отец помог ему взвалить мешок на повозку, которую снарядили для следователей. Несколько мужиков из деревни решили поехать с ними заодно и взяли с собой немного товара на продажу, как ни противился этому Агрилий, который снова негодовал по тому, что некому убирать поля. Гавилан попрощался с родителями, похлопал братьев по плечу, поцеловал в щеку маленькую сестренку и залез на козлы рядом с Двиллием и кучером. Мужики сидели сзади, а у самой задней ступеньки печально сидел Скаддиус, возле которого лежали два мешка, с Штрумом и псевдособакой. Штрума не похоронили на деревенском кладбище, потому что Двиллий сказал, что в городе его примет семья.

– Ну что, Гавилан, – сказал Двиллий, похлопав мальчика по плечу. – Готов увидеть Пироград и много книжек?

– Готов, дядя Двиллий, – ответил Гавилан. Двиллий кивнул кучеру, и тот хлопнул поводьями по коням. Повозка понеслась вперед по дороге, вдоль Нижней Валушки, в сторону Пирограда. Люди смотрели ей вслед, пока она совсем не скрылась из виду, и думали о том, как много всего необыч-

ного произошло за последние дни.

– А урожай так никто и не собрал, – грустно усмехнулся Агрилий и, возмущенно помахав посохом на пробегающую мимо курицу, ушел к себе во двор.

Глава 1. Губитель книг

– Вон там шпили видишь? Это Верселлия. Тут недалеко – около получаса пешком. Ну все, давай, удачи, – с этими словами торговец помог мне слезть с телеги, оставив меня с моими вещами, а сам повернул на перекрестке в другую сторону от города.

Верселлия – огромный город с расписными башнями и величественными зданиями, украшенными лепниной – в первую очередь знаменит своими университетами и библиотеками. Телехия целиком состояла из городов-полисов, которые, несмотря на то, что имели общий свод законов и правил, были абсолютно самостоятельны. Мелкие поселки и деревни обычно стояли в окрестностях какого-либо такого города, и потому фактически принадлежали ему и относились к его области. Лишние товары, производимые в таких областях, продавались соседним городам. В общем, жизнь для всех полисов была удобной и счастливой, войну никто никогда никому не объявлял, и в таких условиях экономика росла как грибы после дождя.

Все города имели какую-то особенную специализацию. Та же Верселлия была городом знаний, здесь продавали книги, различные изобретения, сюда все полисы присылали молодежь обучаться разным наукам. Пироград известен своими продовольственными товарами и бакалеей, а Энтерберг,

Лесное Убежище, регулярно направлял в другие поселения караваны с вкусным мясом диких животных, роскошными мехами и охотничьими приспособлениями.

Я же пришел в Верселлию не за тем, чтобы учиться. Все мое обучение прошло в детстве в Пирограде. Еще ребенком меня забрал из деревни мастер следователь Двиллий из следственной службы. Тогда я помог ему с ловлей псевдособаки, и, хоть все прошло не очень удачно, этот случай определил мое будущее. В деревне я с жадностью читал книги, которые мне привозили, в особенности бестиарии, а уж в Пирограде мне открылись целые сокровищницы в виде местных библиотек. Мастер Двиллий направил меня в пироградскую школу, которую я вскоре блестяще окончил, хотя тамошние предметы меня особенно не интересовали, и сразу же поступил в следственную службу Пирограда. Понятно, что Двиллий хотел сделать из меня первоклассного следователя, но я недолго проработал в службе. Большинство моих заданий было довольно скучным: найти потерявшегося мальчика, который на самом деле просто забежал в гости к друзьям; снять котенка с дерева в парке; собрать налог со старушки, которая из-за бедности не могла купить себе нормальной еды и за которую в итоге заплатил я сам. Но не зря же я читал бестиарии! В пироградских библиотеках я прогуливал школьные занятия, читая книги знаменитых в какой-то степени охотников и ловцов чудищ. Как раз задания такого плана я брал с интересом. Похищенный ребенок, рядом с колыбелью ко-

тогого нашли следы когтей и клоки шерсти – вот что было мне по душе расследовать! Вскоре начальник следственной службы, заметив мое рвение в этом направлении, стал целенаправленно давать мне эти задания.

Но мои познания о чудовищах мало бы что давали без соответствующего снаряжения. Стандартного обмундирования следователя для таких нестандартных случаев мне не хватало, поэтому приходилось придумывать хитрые механизмы и карманное оружие, чтобы всегда быть наготове в любой ситуации. Того же стрекальника – низшего вампира, питающегося кровью мертвых людей – я бы вряд ли победил, не имея при себе бомбы со святой водой и тертым боярышником.

Своих родных я почти не видел с момента, как уехал в Пирогоград, и мало что знаю о них с тех пор. После дела с псевдособакой Двиллий направил просьбу о компенсации в Нижнюю Валушку и туда отправили пять коров и несколько золотых монет. Староста Агрилий, наверное, был сильно рад, но, к сожалению, он недолго прожил. В ту же зиму начала бушевать эпидемия оспы, и много крестьян умерло, особенно старики и дети. Не пережил зиму и мой младший брат, Гладий. Мать тогда с помощью старшего брата писала мне весной письмо, в котором все рассказала.

Сам старший брат, Януш, стал писанным красавцем и умелым работником. Он отделился от семьи и держал самое большое хозяйство в деревне. Младшую сестру Силлию от-

дали замуж за сына нового старосты. В общем, несмотря на то, что каждый год мне приходили письма и я сам пару раз заезжал домой, обратно в деревню мне хотелось все меньше и меньше. Меня влекли новые места, и обжиться где-то в одном точно не было в моих планах на ближайшее время.

Это влечение постоянно не давало мне покоя. За все недолгое время службы в Пирогrade я познакомился с множеством людей из других полисов, которые предлагали мне хорошую работу у себя. Но я отказывался. Моей мечтой было стать охотником на чудищ, как те люди, чьи книги я читал.

Откуда взялись чудища, никто толком не знает. Будучи маленьким, я думал, что чудища существуют давно. Может, так оно и было, но только до недавнего времени они особенно себя не проявляли. Что-то побудило их вылезти из обсиженных гнезд, из обжитых пещер, вырасти и развиваться, став страшнее и ужаснее. Чудища стали часто нападать на людей. Поэтому последние пару десятилетий некоторые люди, стремясь защитить своих родных, становились охотниками на чудищ – изучали их внешний вид, повадки, их оружие, способы атаки и выслеживания добычи. Они были теми, кто писал первые книги об охоте на чудищ, бестиарии, те самые книги, которыми я зачитывался в детстве и отрочестве. Благодаря этим людям я решил продолжить их дело, и втайне надеялся, что смогу разгадать тайну внезапного появления чудищ.

Во время одного из опасных заданий по поимке преступ-

ной банды Двиллия смертельно ранили, он впал в кому и спустя неделю скончался. Его комната в доме, где он жил вместе со мной, выставилась на продажу. Я мог бы ее выкупить, но вместо этого я бросил работу в службе, собрал все свои вещи – изобретенные мной механизмы и несколько bestiариев, мелкие инструменты, меч и пригоршню монет – и покинул Пироград. Многие товарищи по службе посчитали, что я не смог смириться со смертью наставника, и я не стал их разубеждать. Горечь от гибели Двиллия, конечно, оставалась в моей душе, но следователь был единственной нитью, удерживающей меня в Пирограде.

Незадолго до смерти Двиллия мне пришло письмо от товарища из Верселлии, Занзалама, ученика Университета Истории. Занзалам, как обычно, звал меня в гости; но в этот раз письмо меня заинтересовало. Занзалам писал, что в университетской библиотеке поселился какой-то неизвестный зверь, который по ночам рвет книги в труху. Занзалам просил приехать и разобраться с этим, так как знал, что я хорошо справляюсь с чудовищами, а это наверняка был какой-то монстр. Таким образом, я оказался на большом тракте, ведущему в Верселлию, с походной сумкой и весь перевязанный ремнями, по всей длине которых были закреплены инструменты.

На тракте я встретил торговца, который ехал мимо Верселлии в Ланир, большой портовый город, связывающий материк с Телехскими островами. С меня он не взял плату, вза-

мен попросив лишь скрасить его скучную поездку. Мне это было только на руку, и я согласился.

И вот я уже добрался до Верселлии. Шпили перед глазами давно выросли выше моей головы. Башни, которым эти шпили принадлежали, так и не открылись мне полностью, так как их закрывали величественные каменные здания города, украшенные резными фигурами и оплетенные множеством труб и громоотводов. В отличие от Пирограда, в котором жители ходили размеренно и неторопливо, в Верселлии от каждого человека я чувствовал занятость, люди как муравьи сновали туда-сюда по своим делам, заполняя узкие улицы.

– Эй, уважаемый! – окликнул я какого-то усатого мужичка с кучей бумаг под мышкой. Мужичок пробежал мимо, даже не оглянувшись. Я спросил еще какого-то паренька. Он испуганно шарахнулся от меня и скрылся в толпе. Я вздохнул. Похоже, поиск Университета Истории окажется куда более сложным, чем я себе это представлял.

Мимо меня вдруг пронеслась карета. Я еле успел отпрыгнуть с дороги и прижался к кирпичной стене дома. Поразительно, как эта карета вообще могла уместиться на такой улочке, не говоря уже о том, чтобы проехать здесь. Кучер грязно выругался куда-то в воздух – очевидно, я был не первый, кто чуть было не попал под колеса.

Я вздохнул второй раз. Что ж, надо хотя бы найти какой-нибудь трактир. Я устал и к тому же сильно проголодался.

ся с дороги. Тем более, если я сразу не нашел нужное мне место, то неизвестно, насколько долго затянется дело. Я поправил сумку на плече и свернул в переулок.

Внешний вид Верселлии был бесподобен. На улице, с которой я сошел, кругом стояла пыль, зато в переулке было тише и спокойнее. Из-под дорожной брусчатки пробивалась весенняя трава, стены домов окутывал мох, который недавно проснулся после долгого зимнего сна и продолжил свое победное шествие по городским постройкам. Откуда-то со стороны доносился запах сирени, распустившей свои бутоны. В воздухе кружили медоносные пчелы, ища сладкий нектар. Если бы не люди вокруг, Верселлию вполне можно было принять за брошенный город, настолько тесно сплелись здесь цивилизация и природа.

Идя по переулкам, мне приходилось вертеть головой из стороны в сторону. В Пирограде все трактиры, дома ремесленников и прочие заведения имели вывески, прибитые над дверью. Здесь же вывесок не было вообще, а на домах определенного назначения висели соответствующие таблички. Пока что я не нашел ни одной таблички с изображением еды, а шея уже начала болеть.

Неожиданный ветер со свистом пронесся рядом со мной. От внезапного холода меня даже передернуло. Наверное, зря я надел лишь легкую льняную рубашку. Лето еще не началось, и весенние заморозки могли застигнуть меня врасплох, ведь я не взял с собой никакой теплой одежды.

Под ногами пронеслись дети, игравшие в салки. Поистине этот город был идеальным местом для такой игры – прямые узкие улицы только и ждали того, что по ним будут бегать друг за другом ребяташки. Водящий, мальчик со светлыми волосами, остановился, удивленно разглядывая висящие на мне вещи. Сверху, с карниза ближайшего дома, на его голову свалилась зеленая гусеница, но мальчик, похоже, этого не заметил.

– Не знаешь, где тут Университет Истории? – спросил я, особенно не надеясь услышать ответ.

– Он тут, не очень далеко, – ответил ребенок, показывая мне в том направлении, откуда я пришел. Я вздохнул в третий раз. – Как эта улица кончится, надо повернуть направо, вниз по склону к побережью, и там будет Университет. Моя сестра там учится, – он улыбнулся. Я поблагодарил его и развернулся в ту сторону, куда мне показал паренек. В конце концов, поем уже в Университете. Главное, что я его нашел... Наверное, нашел...

Мальчик оказался прав. Я спустился по крутым ступенькам вниз. Напротив меня открывался прекрасный вид на море. Склон был весь покрыт зеленью, и от этого море представляло еще более красивым, будто окруженным зеленой рамкой. Внизу, словно врезавшись в крутой склон, стояло огромное здание. Подойдя к нему, я прочитал висящую железную табличку «Университет Истории. Главное здание. Часы работы – с пяти утра до полуночи». Обрадовавшись, я

взялся за ручку двери с бойком и попытался открыть. Дверь была заперта. Пришлось постучать. Спустя минуту мне открыл какой-то дежурящий студент и пустил внутрь. Дежурный что-то буркнул про каникулы, но я пропустил это мимо ушей и спросил его, где находится общежитие. Получив ответ, что оно расположено на верхнем этаже Университета, я пошел к лестнице.

К счастью, Занзалам в письме написал, в какой комнате он живет, поэтому его каморку я нашел быстро. Обрадованный товарищ сперва даже не нашелся, что сказать.

– Ты пока сбрось вещи, – сказал он. – Я пойду сбегать за вином.

Устроившись на простых деревянных стульях, мы с Занзаламом сидели до самого вечера. Он угощал меня вином и мясом со свежесдобитым хлебом, и все расспрашивал про жизнь в Пирограде. Я вполне охотно отвечал ему, рассказывая, что произошло с того времени, как он последний раз был там. В свою очередь, я спросил его про Верселлию.

– Ох, ну ты и сам все знаешь, – отмахнулся Занзалам. – За те полгода, что прошли, как я написал тебе письмо, ничего не поменялось. В нашей библиотеке уже куча книг пришла в негодность. Представляешь, почти каждую ночь кто-то приходит в библиотеку, хотя все заперто, и грызет книги. Причем не просто грызет, как мыши или крысы, а в совершеннейшую труху, и от книги ничего не остается, кроме пыли. Пару раз нам удавалось заставить его врасплох. Тогда-то

мы и узнали, что книги кто-то жрет, до этого думали, что их воруют. Вот только заметить мы никого не успели, потому что он быстро смотался. Я знаю, что ты любишь всякие расследования, где есть чудища, ты же собирался стать охотником...

– Как видишь, я уже, считай, им стал, – улыбнулся я. – Я теперь свободный, могу идти куда хочу.

– Ну так еще лучше! – рассмеялся Занзалам. – Ты много знаешь про чудовищ, я сам помню, как ты при мне разгадал дело с зубными феями. В общем, я посоветовал тебя нашей кафедре, и они дали добро. Все уже отчаялись, потому что никаких следов, кроме трухи от книг, нет, и никакие службы нам не могут помочь. Ох, что я все про работу, – он забеспокоился и вскочил со стула. – Тебя же обустроить надо где-нибудь. Хотя... Ты не против поселиться у меня? Правда, будешь спать на полу, но мы что-нибудь придумаем, я могу постелить одеяло...

– Да я и так не против, – ответил я. – Только учти, что мне надо будет и свои вещи разложить.

– Да нет, это меня не пугает, – возразил Занзалам. – Сейчас в Университете каникулы, и мне ничего учить не надо, поэтому места много не понадобится. В общем, решили! Ты тогда пока обживайся, а завтра пойдем к нашему кафедральному мастеру Тробнопу. Я ему уже все уши прожужжал про тебя, он сам давно ждал, когда ты к нам приедешь.

– А что охотники на чудищ? – спросил я. – Разве в области

Верселлии нет ни одного? Мне кажется, любой бы уже давно мог взяться за это дело.

– Где уж там, – фыркнул товарищ. – Ты как будто чересчур начитался их книжек. Это только кажется, что охотников много, на самом деле найти даже одного – большая удача. Охотников же никто не считает, они не прикреплены официально бумагами к какому-либо определенному месту. Мы искали, конечно, но никого не нашли. Можно сказать, ты наша единственная надежда, – он улыбнулся во всю ширь своего рта, обнажив свои большие белоснежные зубы.

Занзалам был поразительной личностью. Кафедра летописи Университета Истории – это действительно было истинным призванием Занзалама. Его постоянно тянуло в разные места, он бесконечно записывал что-то в свои блокноты, тратя по несколько листов пергамента в считанные минуты. Его учеба, по сути, уже сильно пересекалась с работой – записью современной истории Телехии, хотя Занзалам умудрялся вполне самостоятельно влипать в истории, с помощью врожденного невезения и постоянной пустой болтовне. Открытый всему и каждому, Занзалам мог легко попасться на крючки аферистов или мог случайно упасть в колодец, оказавшийся на самом деле пещерой контрабандистов. Собственно, познакомился я с ним при похожих обстоятельствах – по приезду в Пирогоград для записи истории прошедшего года его ботинок отгрызла бездомная собака и убежала с ним в неизвестном направлении. Конечно, можно было бы

просто купить новые ботинки, но в подошве именно того ботинка, который унесла собака, у Занзалама был зашит значок летописца (чтобы не украли), который давал ему разрешение на проход в любое место и скидку на услуги. Дабы Занзалам не возвращался в Верселлию ни с чем, мы перерыли весь город, прежде чем обнаружили облизанный и облеваный ботинок в одной из трущоб, в центре крысиного гнезда. После сражения с крысиным королем и возвращения значка Занзалам был бесконечно мне благодарен и, похоже, считал меня своим лучшим другом, хотя я в ответ столь же сильных чувств к нему не испытывал.

Я взял в руки свою сумку и открыл ее. Внутри были разложены по баночкам различные ингредиенты для снадобий, в небольших мехах находились масла, на дне гурьбой лежали кожаные заплатки и инструменты по отделке. Я осторожно вытащил содержимое сумки и стал раскладывать все на полу рядом с кроватью Занзалама. Занзалам сначала с интересом разглядывал мои вещи, потом ему надоело и он достал из шкафа учебник риторики и, со скрипом грохнувшись на кровать, стал внимательно его изучать. Тем временем я достал из другого отделения сумки пару бестиариев, блокнот для записей и письменные принадлежности.

– Знаешь, Занзалам, – сказал я, – на самом деле я не помню чудища с таким описанием, как у тебя. Нигде еще не читал, чтобы монстры сгрызали книги.

– И что делать? – испугался Занзалам.

– Возможно, я буду первым охотником, кто его опишет, – усмехнулся я. Разложив книги, я снял с себя ремни, удерживающие остальные приспособления для ремонта и ухода за своими вещами. С правой руки я снял щиток, который защищал мою кисть и запястье от внезапных нападений и рывков противника. С головы я снял защитные очки. Очки были моей гордостью. Мало того, что затемненное стекло, вставленное в толстую оправу с прорезиненной оторочкой, уберегло мои глаза от чересчур яркого света и искр огня, но я еще прикрутил сбоку настраиваемые линзы для того, чтобы заниматься мелкими механизмами, требующими ювелирной работы. Также я снял свой толстый пояс с множеством затяжек, кармашков и выдвижных клапанов для хранения мелочи, которая могла бы пригодиться в самый неожиданный момент.

– Ботинки снимать будешь? – хихикнул Занзалам.

Вместо ответа я вытащил шнурки из-за углубления в ботинках и развязал узлы. Ботинки, действительно, выглядели серьезно. Окаймление было сделано плотным, чтобы ни грязь, ни снег не могли попасть внутрь. Подошва была довольно высокая, с набойками. Цокать по камням такими набойками не получалось, зато я мог вполне свободно держаться на льду.

– Труссы я тебе не покажу, – пошутил я, и уселся на пол. Занзалам отвернулся к шкафу, порылся там и достал мне толстое шерстяное одеяло.

– На, ложись на него, – сказал он мне.

Я поблагодарил Занзалама и расстелил одеяло на полу. В ноги сразу же впилося множество иголок грубой шерсти, и я понял, что ночью замерзнуть у меня не получится.

Весь вечер мы болтали с Занзаламом на разные темы, попутно добывая вино, принесенное летописцем, а наутро мы, с немного звенящими от легкого похмелья головами, собрались и направились на кафедру летописи к мастеру Тробнопу. Пока мы шли по длинному узкому коридору, с левой стороны которого были расположены двери в учебные классы, а с правой – тонкие высокие окна с видом на море, Занзалам рассказал мне все про мастера-летописца. Когда мы, наконец, дошли до кафедры, я с облегчением вздохнул. В кабинете нас встретил высокий широкоплечий мужчина с ухоженной бородкой, в длинной темной мантии с оторочкой бронзового оттенка. Он жестом пригласил нас сесть на обитые пухом стулья, а сам уселся на массивное деревянное кресло.

– Значит, ты и есть Гавилан? – спросил он. – Занзалам рассказывал мне про тебя. Как бы для тебя это ни было странно, но ты первый охотник на чудищ, к которому мы обращаемся.

– Занзалам не был бы Занзаламом, если бы не рассказал про меня, мастер Тробноп, – ответил я. Тробноп внимательно разглядывал меня, изучая.

– Гавилан, – сказал он, перебирая каждый звук моего имени своими губами. – Имя звучит как городское, но, насколько мне известно, ты не из города?

– Нет, мастер Тробноп, я родился в деревне. Там же провел первую половину детства.

– Интересно, – пробормотал Тробноп. – А твои родители или более далекие предки не были случайно разорившимися купцами или обесчещенной знатью?

– Насколько мне известно, нет, – ответил я. – Весь мой род – это крестьяне.

– Значит, твои родители хотели для тебя лучшей жизни, чем в деревне, – заключил ученый. – Крестьяне имеют простые имена, чтобы было легко и быстро звать друг друга. К тому же, деревни обычно не достигают больших размеров, поэтому простые имена имеют не так уж и много людей, но между деревнями пересечение имен просто колоссальное. В городах такого нет, здесь слишком много людей, слишком много знакомых у каждого человека, поэтому имена детям придумывают вычурные, длинные. Может, такие имена труднее выговорить, но в городской жизни это не так уж и важно. Видишь, Гавилан, одно лишь имя способно рассказать мне судьбу человека, – продолжил Тробноп, улыбнувшись. – В этом и заключается суть летописи – не только записывать известные факты, но также логически выводить те моменты, которые уже утеряны. К сожалению, мы не всегда располагаем полным набором документов, что-то неизбежно теряется, поэтому приходится прибегать к таким методам. Надеюсь, – он вздохнул, – что мы не ошибаемся, или ошибаемся редко. И все-таки, Гавилан, наверняка у тебя в роду

были городские жители...

– Мастер, расскажите лучше про чудище, – вмешался Занзалам, нервно топая ногой.

Тробноп вдрогнул, словно очнулся.

– Да-да, Занзалам, всему свое время, – ответил он и снова повернулся ко мне. – Ты уже слышан о библиотечном чудище? Это проблема не покидает нас уже полгода. Мы бы не так сильно переживали, случись это в каком другом месте, но библиотека – важная часть нашего университета как святылища истории. Столько книг пропало в эти месяцы! Я даже не знаю, что делать. Книги пропадают из разных разделов, из разных шкафов. Исчезают книги не только с нижних полок – чудище достает их и с более высоких мест. Лишь книги под самым потолком остались нетронуты... Ох, ты не видел потолок!..

– Потолки в библиотеке очень высокие, – опять вставил свое слово Занзалам. – Представляешь, какой прыгучий этот монстр?

Тробноп продолжил свой монолог, одернув рукава своей мантии:

– Следственная служба Верселлии не помогает нам. Однажды мне удалось их привлечь, но они лишь осмотрели выходы, посмотрели на опилки, оставшиеся после утерянного альманаха, и сказали, что все это чушь, никаких таких чудищ не существует и мы сами рвем книги. Ты представляешь, Гавилан? После такой неслыханной дерзости я не могу

заставить себя просить от них помощи еще раз. Итак, – мастер полностью повернулся ко мне, сложив пальцы рук друг с другом, и посмотрел исподлобья, – поможешь ли ты нам, юный охотник? Естественно, по окончании ты получишь награду.

– Конечно, помогу, – ответил я. – Мне даже очень интересно это дело, оно явно необычно. Но, если можно, сначала я хотел бы осмотреть библиотеку.

– Конечно, – согласился, кивнув, Тробноп, – мы можем отправиться прямо сейчас.

С этими словами он встал с кресла и проводил нас с Занзаламом к выходу из кабинета. К счастью, я заранее взял с собой свои инструменты, посчитав, что они мне сразу же пригодятся. Мы вышли из главного здания Университета и направились вверх по склону.

– Скажи, Гавилан, тебе действительно семнадцать лет? – спросил меня по дороге Тробноп.

– Да, – ответил я.

– Поразительно, – сказал летописец. – В таком молодом возрасте ты уже охотник. Обычно в это время городские подростки только заканчивают учебу в школе, а у тебя уже, насколько я помню из рассказов Занзалама, есть двухгодичный опыт работы в следственной службе Пирограда. Занзалам на пару лет тебя старше, но он не выглядит взрослее.

– Надеюсь, я не состарюсь так же быстро, как вырос, – пошутил я. Тробноп улыбнулся и показал рукой на огромней-

шее каменное сооружение, украшенное большими резными статуями, подпирающими массивные стены. Честно говоря, внешний вид здания напомнил мне гигантский гроб с окошками.

– Вот библиотека Университета, – сказал он. – Сейчас она закрыта. Видишь ли, раньше библиотека была открыта круглосуточно, но после появления чудища мы стали закрывать ее на ночь. Ночных дежурных мы пока освободили от обязанностей.

– Чудище появляется только по ночам? – спросил я.

– Да, – ответил Тробноп. – Студенты, конечно, воспротивились, ибо им часто и любое время нужны учебники и фолианты старых времен, но, к моей глубокой печали, в данный момент я не могу им позволить встретиться с монстром. Кто знает, на что он способен... Сейчас, во время каникул, пока большинство студентов в разъездах, мы вообще держим библиотеку запертой.

Мы подошли к библиотеке. Морской бриз доходил до вершины утеса и окутывал нас ароматом свежей соленой воды. Тробноп достал из кармана мантии ключи и открыл дверь в библиотеку. Из недр библиотеки сразу же потянуло запахом пыли и старых книг. Примерно такой же запах, только во много раз слабее, царил в пирогоградских библиотеках. Конечно, никакая тамошняя библиотека не могла сравниться с огромными царствами библиотек верселльских.

Я зашел в библиотеку и огляделся. Несмотря на большие

окна, в помещении было немного сумрачно. Практически сразу за столом учета, где должен был сидеть дежурный, начинались длинные линии книжных шкафов, иногда прерывающиеся столиками для читателей. Ко многим шкафам были приставлены лестницы, позволяющие достать книги с самых высоких полок. Занзалам с Тробнопом меня не обманули, потолки действительно были высокими, примерно в три-четыре человеческих роста. Я обошел весь этаж, особенно приглядываясь к углам между полом и стеной, но ничего не обнаружил.

– Не знаю, есть ли что-нибудь на этом этаже, но почему-то все преступления происходили наверху, – заметил Тробноп.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Других этажей не было, но мне бы хватило и этого. Второй этаж был еще выше первого, окна здесь были намного шире, все читательские столы стояли по периметру этажа, а огромные шкафы лабиринтом закрывали центр просторного зала.

– В библиотеке устроена довольно сложная система лампового освещения, – рассказал кафедральный мастер. – Все сделано для удобства студентов, которые могли без проблем пользоваться нашими книгами в любое время суток. Сейчас мы все равно включаем на ночь свет, но делаем это все реже и реже.

Я обошел и этот этаж, но около стен ничего не заметил. Зато у одного из шкафов я нашел нечто интересное. Это был кусок корешка от книги «История др... ира во времен...

гии», ну или по крайней мере так мне говорил этот корешок. Рядом была разбросана белый порошок. Взяв немного порошка в руку, я понял, что это были страницы книги. Вернее, когда то были. Вряд ли я смог бы об этом догадаться, будь я не в библиотеке.

– Поразительно, – прошептал я. – Ни одно чудище так не перемалывает свою пищу. Обычно они сразу глотают. Но зачем чудищу понадобились именно книги? В чем польза от бумаги его организму? Старая бумага сухая и не содержит никаких питательных веществ.

Я посидел еще немного и поразмышлял. В этот момент ко мне подошли Занзалам с Тробнопом. Тробноп сильно расстроился, увидев груды мусора рядом со мной.

– О боги! – воскликнул он и в отчаянии прижал руки ко лбу. – Эра Драстагии утеряна для нас! Это была такая замечательная книга с полезными фактами.

– Мастер, – ответил Занзалам, пытаясь успокоить наставника, – возможно, кто-нибудь из наших студентов хорошо помнит эту книгу и сможет ее восстановить, пусть и не до конца, но хоть как-то...

Тробнопа это не сильно обрадовало. Было видно, как он горюет о потере, причем она была для него не первой, а возможно, и не последней.

Я достал из бокового кармана сумки пустой флакончик, откупорил крышку и ссыпал горсть перемолотой бумаги в него. Несколько бумажных пылинок достаточно заметно

впились мне в руку, словно занозы, и это навело меня на мысль.

– Скажите, у вас в библиотеке все каменное? – спросил я.

– А что ты хочешь? – спросил Занзалам.

– Есть какие-нибудь деревянные части?

– Да, – ответил, шмыгнув носом, Тробноп. – Вентиляционные выходы делали из дерева, так как металл стоил слишком дорого во времена строительства, на этом решили сэкономить. Некоторые архитектурные украшения, к слову, так же сделаны из дерева.

– Вроде я не видел ни одно испорченное украшение, – сказал я. – Наверное, их чем-то обрабатывали.

– Все украшения обильно облиты лаком, – ответил мастер. – Поэтому они такие темные и гладкие. Вентиляцию не видно, поэтому, я так думаю, никто особенно не утруждался ее отделкой.

– Хорошо, – кивнул я. – Где на этом этаже находится вентиляция?

Когда мы подошли к вентиляционному люку, я понял, что мои догадки подтвердились. Люк был наполовину изрезан и выглядел так, будто из него выпилили круг, а потом края получившейся дырки хорошо отшлифовали. Все вокруг было покрыто тончайшем слоем крошечных опилок.

– Отлично, – сказал я. – Похоже, наше чудище обожает древесину.

– И что это дает? – спросил Тробноп.

– Пока не знаю, – ответил я. – Я читал про древней, дриад и других лесных чудищ, но чудищ, жрущих дерево, я не встречал нигде. Но, похоже, все-таки придется встретиться. Надо подготовиться к этому.

Я еще раз оглядел этаж библиотеки. Подняв глаза к потолку, я заметил рельсы, проходившие между огромными люстрами.

– А что это? – спросил я, показав на рельсы.

– Система транспортировки книг, – ответил Занзалам. – Тут где-то должен находиться подъемник. Новые книги кладутся в подъемник, все это тянется за трос и поднимается на нужную высоту, к той полке, на которой ты эти книги хочешь расположить. Это намного проще и быстрее, чем ставить книги на полки поодиночке с помощью лестницы.

– А подъемник выдержит меня? – спросил я.

Занзалам хитро прищурился.

– Подъемник выдерживает гору книг, – ответил он, ухмыляясь. – Как думаешь, выдержит ли он мелкого парня?

Мы нашли подъемник. Это была довольно большая клетка с узкими решетками, к верхушке которой был привязан трос, перевешенный через колесо, закрепленное на рельсе. Другой конец троса был привязан к крюку на стене.

Мы развязали трос и опустили подъемник. По размерам я вполне подходил, но сидеть там можно было, только согнувшись.

– Отлично, – сказал я, хлопнув Занзалама по плечу. – Я

сяду сюда и посижу здесь ночью. Надеюсь, мне повезет, и я увижу монстра.

– Ты действительно хочешь просидеть всю ночь внутри? – удивился Тробноп. – Не слишком ли это опасно?

– Вряд ли, – ответил я. – К тому же, моя работа все равно предполагает наличие опасности.

Было решено в эту ночь оставить меня в подъемнике. Мы сходили в город пообедать, и ближе к вечеру снова пришли в библиотеку. Я сел в клетку, Тробноп и Занзалам потянули трос и подняли меня под потолок, выше шкафов, после чего привязали трос к еще одному крюку в стене библиотеки. Меня разместили примерно в центре этажа, напротив вентиляционного выхода, чтобы я мог заметить появление чудища и следить за ним, куда бы оно ни пошло. Тробноп пообещал оставить освещение в библиотеке и придти к утру. Когда они спустились, я услышал внизу щелчок, и вдруг все люстры разом вспыхнули ярким светом масляных ламп. Я достал блокнот и графитную палочку и стал ждать захода солнца.

Лучи задевали края библиотечных окон, выглядывая с западной стороны, но с каждой минутой их становилось все меньше и меньше. Над колышущимся вдалеке морем повис растущий месяц. Следом за ним появился еще один, убывающий, меньше размером, но не менее яркий. Каждую ночь жители Телехии наблюдали две луны. Они уменьшались и росли в противофазе, и именно под их размер были придуманы месяцы. Словно заколдованные, луны четко определя-

ли время года и жизнь в мире. Еще давным-давно им приписывали странные события, происходившие в Телехии. Названы они были тоже странно, по крайней мере, для меня – Мачеха и Падчерица. Мачехой называлась бóльшая луна, которая, по поверью, приносила несчастья, а Падчерицей – луна меньшая, предвещавшая добрые вести. Раз в месяц, когда Мачеха была полной, Падчерица полностью пропадала с неба, и люди старались сидеть дома, ибо в ту ночь совершались преступления. Говорили, что в ночь Мачехи демоны вылезали из глубин подземелий и забирали людей с собой в пылающие недра, где над несчастными издевались до скончания веков. В ночь Падчерицы, наоборот, народ выходил на улицы и праздновал полнолуние до наступления рассвета, отмечая победу доброй луны хлопучками, парадами, играми и, естественно, большим пиром. День равнолуния же, когда Мачеха и Падчерица одинаково светили на небе, означал смену месяца. Ночь Мачехи приходилась на середину первого месяца времени года, а ночь Падчерицы – на середину второго. Сейчас подходила к концу весна, и Мачеха начинала заметно расти, как росло сейчас мое напряжение.

Мои мысли о лунах прервал шорох, доносившийся, как и ожидалось, со стороны вентиляции. Я повернул голову в ту сторону и заметил какое-то мелкое существо золотисто-белого цвета, которое осторожно, но довольно резво бежало к книгам, причем как раз туда, где висел я. Я немного испугался, предположив, что меня обнаружили, но существо

подбежало к соседнему от меня шкафу и стало ковыряться в книгах.

Я мог хорошо разглядеть это чудище, которое и чудищем-то не казалось. Внешне оно напоминало кролика с пушистым длинным лоснящимся мехом, только без ушей. Глаза были черные и сильно вытаращенные, практически вываливающиеся из орбит. Задние лапки были мощные, как у настоящего кролика, возможно, зверек умел хорошо бегать и прыгать. Передние лапы имели более развитые пальцы, явно не как у обычных животных – очевидно, что монстр владел мелкой моторикой. Я незамедлительно стал записывать свои наблюдения в блокнот, при этом «кролик» как раз подтверждал мои мысли, взяв лапками книги и осматривая ее со всех сторон, переворачивая страницы и разглядывая обложку.

Пока что ничего не показывало на то, как крошечный монстр раздирал книги. Я решил не ждать и проверить слух животного. Я слегка постучал графитной палочкой по дну клетки, в которой сидел. Монстр отложил книгу и стал оглядываться, поглядывая из стороны в сторону в поисках источника опасности. Я записал в блокнот «обладает средним слухом – может слышать звуки, но не может определить место, откуда они доносятся». Пока я это писал, мой наблюдаемый расслабился и снова взял книгу в лапы, принявшись к ней своим маленьким черным носиком.

Я стал его зарисовывать, поглядывая то на страницу блокнота, то на чудище, заодно пытаюсь придумать название для

этого, безусловно, нового вида чудищ. Неожиданно для меня «кролик» распахнул пасть неестественно широко. От такого вида я даже перестал писать, полностью переключив внимание на сцену, происходящую внизу. Из раздвинутой пасти монстрика вылез длинный костяной язык, покрытый зубами, расположенными спиралью, словно странная круглая пила. Кончик языка был заметно расширен, в центре открылось какое-то отверстие, наверное, настоящая пасть. Язык стал делать поступающие движения, дергаясь туда-сюда из пасти чудища, все быстрее и быстрее, а потом начал с нарастающим треском крутиться. Монстр, не двигаясь, направил передними лапками книгу прямо к беснующемуся языку. Соприкоснувшись, книга издала жуткий визг, какой слышится, когда пилят дрова, и стала постепенно пропадать в пасти чудища. Крошки от остатков страниц сыпались из пасти вниз, образуя горочку. Оставив в лапах лишь часть обложки, монстр отбросил ее, и его язык стал замедляться, пока совсем не остановился. Его рот сладостно причмокнул и закрылся. Язык втянулся обратно вовнутрь чудища и его внешняя пасть тоже закрылась. «Кролик» еще раз огляделся во круг и засеменял обратно к вентиляции.

Я ошеломленно смотрел ему вслед, пока он не свернул за угол, где я его уже не мог видеть. Ничего подобного я действительно никогда не видел и не читал ни в одной книге. Ручка с графитом потянулась к верхней части исписанной страницы блокнота и написала там большими буквами название

нового существа – «термитоид».

Пожалуй, такое название, хоть и никак не соответствовало внешнему виду чудища, вполне показывало его реальную природу. Я сделал еще несколько пометок, которые уместились только на другом развороте страниц, и сложил вещи на полу клетки. Устроившись поудобнее, насколько это было возможно в таком тесном пространстве, я задремал. Больше в эту ночь чудище не приходило, и в полудреме я провел остаток ночи, пока внизу не послышался звук отпираемых дверей.

Поднявшийся по лестнице Тробноп первым делом подбежал к свежей горке опилок. Схватив останки обложки, он с горечью воскликнул:

– О нет! Единственные в своем роде сочинения Дезидия Триумфального! Это же одна из гордостей нашей библиотеки! Пропала такая книга!..

– Что же ты не сохранил книгу, Гавилан? – спросил подошедший Занзалам.

Я сначала было опешил, но потом ответил:

– Во-первых, это неизвестное чудище, не описанное ни в одном бестиарии, и неизвестно было, что от него ожидать. Ну а во-вторых, в любом случае я бы не смог спуститься вниз, потому что я заперт в подъемнике.

Занзалам ойкнул и поспешил к крюку с привязанным тросом. Тробноп все еще сокрушался над книгой, но, заметив краем глаза своего возящегося с узлом студента, быстро на-

правился к нему. Ругать его за глупую самодостаточность, которая могла бы привести к разрушению подъемника вместе со мной, он не стал, и стал помогать. Он беззвучно шевелил губами, и нетрудно было догадаться, что это из-за уничтоженной книги и быстро это не пройдет.

Когда клетка опустилась и дверца отперлась, я вылез, на ходу доставая записи. От моего рисунка у обоих летописцев чуть глаза на лоб не полезли.

– погоди, Гавилан! – то ли посмеиваясь, то ли ужасаясь, сказал Занзалам. – То есть ты хочешь сказать, что безухий кролик, которого ты назвал «термитоидом» – это и есть то самое чудище, поедающее книги?

– Именно так, Занзалам, – ответил я. – В принципе, ничего особо странного я не вижу. Кролики же грызут кору деревьев, стачивая ее в опилки, так и термитоид, внешне на него похожий, поедает книги, страницы которых изначально были деревьями.

– В словах Гавилана есть смысл, – вмешался Тробноп, додумывая мысль. – За все время пребывания в библиотеке чудище ело лишь бумажные книги, не трогая фолианты из пергамента или льна.

Я продолжил:

– Станным выглядит способ питания. Рот выглядит так, как будто совсем не относится к самому чудищу. Я надеюсь, что в следующую ночь термитоид снова придет в библиотеку, и я его убью. Тогда можно будет поподробнее рассмот-

реть строение его тела. Кроме длинного рта-дрели, атакующих частей я не увидел. Ноги, правда, у него сильные, поэтому в случае чего он наверняка будет пытаться убежать.

– Тебе нужна будет помощь, Гавилан? – спросил кафедральный мастер.

– Мне нужен весь день, – ответил я. – Я буду готовиться к следующей ночи. Возможно, мне понадобятся некоторые механические детали или обрезки тканей, возможно, какие-то травы. Я, конечно, многое взял с собой, но чего-то вполне может не оказаться.

– Хорошо, Гавилан, – кивнул Тробноп. – Если ты будешь в чем-либо нуждаться, спрашивай меня, я постараюсь помочь.

– Я тоже, – поддержал Занзалам.

– Спасибо, – ответил я, – спасибо за сотрудничество. А теперь, если позволите, я отправлюсь в трактир. Кстати, не подскажете, где находится ближайший?

Занзалам махнул рукой в сторону юго-запада.

– Вот там есть хорошая таверна, называется «Пухлый бо-чонок». Ты его ни с чем не перепутаешь, это здание отличается от других своей, так сказать, архитектурой.

Я посмотрел в сторону, указанную товарищем, заткнул вещи за ремни и пошел вдоль склона. Когда я уходил, ветер донес мне частичку разговора Занзалама со своим учителем:

– Мастер, почему вы не рассказали об охотнике ректорату?

– Ректорат нам с самого начала ничем не помогал. К тому

же, если Гавилан не справится, то мы можем оказаться в еще более худшем положении, как ненадежные люди...

Занзалам не обманул меня, здание таверны я нашел сразу. В отличие от статных каменных домов Верселлии, таверна «Пухлый бочонок» при первом же взгляде напоминало не что иное, как пухлый деревянный бочонок пива. Я нащупал рукой карман с кошельком, оценивая его объем (я взял с собой не все деньги, которые привез – часть оставил в комнате Занзалама), и вошел в дверь, сопровождаемый ярким звоном колокольчиков, висящих на входе.

Нестандартный вид таверны был хозяевам только на руку. В центре стояла барная лавка, огибающая узкую винтовую лестницу, ведущую как наверх, на кухню, так и вниз, в погреб. Вокруг лавки стояли высокие стулья, за которыми сидели завсегдатаи таверны, сжав в кулаках большие берестяные кружки с пенящимся элем. Вокруг, несмотря на кажущееся небольшим пространство, стояло бесчисленное количество столиков, рассчитанных на любую группу людей – от скучающих одиночек и влюбленных пар до огромнейших веселых компаний. С ребристого потолка свисали разноцветные стеклянные шары, выполняющие роль светильников. Благодаря им убранство таверны ежесекундно играло новыми красками.

Я сел в центре, заказав обед. Остальные посетители, занимавшие окружность лавки, с некоторым удивлением взглянули на меня, видимо, не ожидая, что человек, устроивший-

ся за барной лавкой, будет заказывать что-то кроме выпивки. Однако они успокоились, когда увидели, что помимо первого и второго мне принесли бутылку рома, склянку с крапивной настойкой и маленькую рюмку местного самогона, и заодно яблоко на закуску.

– Надолго, – понимающе кивнул сидящий по соседству от меня дедок, глянув на мое меню. – Уважаю.

Больше внимания на меня никто не обращал. Суп с жарким, которое было мне подано, я съел, а вот алкоголь оставил, зажав все стеклянные емкости своими нагрудными ремнями так, чтобы они не свалились при ходьбе. Самогон из рюмки я аккуратно перелил в свою флягу, предварительно допив оставшуюся там воду. Поблагодарив хозяина таверны, я оставил ему плату вместе в порядочными чаевыми и, припрятав оставшееся яблоко за пазухой, вышел. Честно говоря, я ожидал какой-либо драки, ибо появление незнакомца, да еще и в нехарактерной для города одежде, легко могло спровоцировать самых активных и пьяных «жителей» таверны.

Занзалам сидел у себя в комнате, когда я вернулся. Было похоже, что он скучал, потому что он очень обрадовался, увидя меня в дверях.

– Быстро ты пришел, Гавилан! – воскликнул он, распахнув руки. – Ну, как тебе таверна? Извини, что с тобой не пошел, но я перед этим уже плотно позавтракал.

– Да ничего, – ответил я. – А теперь прости, но в твоей комнате будет вонять.

Занзалам рассмеялся во всю ширь своего рта.

– Не думаю, что ты провоняешь тут больше, чем это бывает после окончания сессии, – хихикая, сказал он и вытер слезы с уголков глаз. – А вообще мне интересно, чем ты собрался заняться?

– Перегонкой, – усмехнулся я, доставая бутылки из ремней.

Я придвинул к себе несколько трубок, которые лежали в груди моих вещей, и вытащил горелку. Спичками я поджег фитиль горелки, смоченный в масле. После этого я вскрыл бутылку с ромом, вставил в горлышко один конец трубки, а другой конец воткнул в мензурку. Саму бутылку я поставил над огнем. Спустя время ром закипел, и спирт начал выпариваться из него. Когда мензурка заполнялась, я моментально заменял ее новой. Таким образом, от рома у меня набралось шесть мензурок спирта. В роме осталось только очень густая сахарная патока. После выпаривания рома я проделал то же самое с настойкой, оставив на дне склянки лишь крапивную эссенцию.

Я надеялся на сходство термитоида с кроликом, поэтому и использовал ром. Кролики любят сахар – тростник, смородину, фрукты. Сахарная патока привлекла бы внимание кролика, а значит, может привлечь и термитоида. Среди своих ингредиентов я вытащил сухую толченую белену, высыпал ее на широкую посуду и смешал с патокой, после чего достал яблоко и выжал сок в получившийся порошок. В конце я со-

брал полученную сладкую массу в банку. Если все пройдет как задумано, то термитоид найдет смесь, наестся ее и потеряет сознание, или хотя бы перестанет ориентироваться в пространстве.

С крапивной настойкой все было немного по-другому. Я разбил склянку вместе с крапивной эссенцией в другой посуде и добавил туда немного пороха. Полученную смесь я равномерно закинул в свои бомбы, в довершение осторожно накапав туда мерку нитроглицерина.

Бомбы были в какой-то степени моей гордостью. Я сам придумал скромный ударный механизм, используя действие огнива. При нажатии на небольшую кнопку с небольшой задержкой отпускался кремневый рычажок, который, стуча по металлической наковальне, выбивал искру внутри бомбы. Обычно мои бомбы содержали порох и нитроглицерин, которые даже по отдельности могли неплохо бабахнуть, а вместе представляли собой опасную гремучую смесь. Для собственной безопасности стенки бомбы я придумал уплотнять мягкими амортизационными стенками, чтобы взрывная смесь не сработала от случайного движения. Таким образом, мои бомбы были очень маленького размера, но вместе с тем несли поистине разрушительную мощь.

Бомбу для термитоида я решил сделать особенной. Неизвестно, что ожидать от кроликообразного чудища, учитывая увиденную мной прыткость монстра, поэтому на всякий случай неплохо было бы убавить его резвость. Крапива обладает

згучим эффектом за счет веществ в своем соке, а в эссенции этот эффект многократно усилен. Но у самой крапивы есть острые иголки, наносящие маленькие ранки, куда может проникнуть сок, поэтому мне нужна была какая-то замена, например, битое стекло. К тому же, разлетаясь во время взрыва с огромной скоростью, стекло может не только просто поранить.

Конечно, я мог бы использовать обычные фрукты с рынка или крапиву, растущую вдоль дорог. Вот только это оказалось бы себе дороже – выжимать в концентрат свежие растения заняло бы больше времени, да и рынок был далеко не самым безопасным местом в городе. А так у меня получилось еще и сытно пообедать.

– А что ты будешь делать с перегонкой? – спросил Занзалам.

– Мне оно не нужно, – ответил я. У меня уже был самогон во фляге. Я не был уверен, что термитоид не окажется ядовитым, поэтому, если он меня ранит, необходимо иметь хоть какое-то противоядие. Самогон является универсальным дезинфицирующим средством против большинства слабых и некоторых сильных ядов. Конечно, от всех отрав он меня не спасет, но я не знаю конкретного яда термитоида, поэтому ничего лучшего мне не оставалось. Перегонка из рома и настойки, конечно, тоже сгодилась бы, но она была уж слишком вонючей. – Можешь взять себе, если хочешь. Как раз понадобится после следующей сессии, – я улыбнулся.

Занзалам взял пустую бутылку из-под рома.

– Можно? – спросил он.

– Бери, – ответил я.

Почти профессиональным движением он перелил спирт из моих мензурок в бутылку, закрыл ее и спрятал под кроватью.

Я распределил свои инструменты по ремням. Бомбы я подвесил за пояс, прикрыв кнопки специально приделанной защитной плашкой во избежание случайного нажатия. К правой руке я привязал щиток, закрыв руку до локтя. Потом я взял свой меч – метровый клинок, обернутый полотном, развязал, проверил лезвие, подправив остроту небольшим точильным камнем, и вытащил из сумки складные ножны. Ими я не часто пользовался, так как в длительном походе ножны только мешались, но в бою они были явно удобнее постоянно запутывающихся тряпок. Меч я повесил за спину, на правую сторону, чтобы его было легко доставать, но при этом он не мешался сумке. В карманах сумки уже лежали необходимые мне вещи, поэтому я просто повесил ее через плечо чуть позади левого бока. Я проверил все снаряжение, подергал меч, свободно ли он вынимается, после чего встал ровно перед Занзаламом.

– Я готов, – сказал я.

Занзалам обернулся к окну.

– Как раз вечереет, уже Падчерица видна, – согласился он. – Пошли, встретимся с мастером Тробнопом.

Тробноп уже ждал нас у дверей своей кафедры, постукивая каблуком туфли от нетерпения.

– Поразительно, Гавилан, – сказал он, глядя на мое обмундирование. – Признаться, правда, сначала я думал, что ты избавишься от чудища еще в первый день, но после этого разум вернулся ко мне, и я решил, что ты будешь разбираться с ним по крайней мере неделю. Хотя, если уж продолжать говорить правду, наши следователи решают дела еще дольше.

– Мастер-летописец, за день расправиться с неизвестным чудищем мне бы представилась возможность разве что благодаря огромной удаче, – ответил я. – Даже сейчас я не до конца уверен в своих силах, и все мои приготовления большей частью основаны на предположениях.

Тробноп задумался.

– Ну что ж, – наконец сказал он, задумчиво подперев рукой мохнатый подбородок. – Все-таки человек не всемогущ. Даже такой, как охотник на чудищ.

Я слегка смутился и пробормотал:

– Ну, я отнюдь не силен... Однако я стараюсь.

– Это главное, Гавилан, – согласился с моими словами ученый. – В любом деле на первом месте всегда стоит стремление приложить все свои усилия на достижение цели. Даже если цель не будет достигнута именно тобой, твой след в истории все равно останется, яркий и заметный. Студентам такое стремление тоже важно, – он кивнул в сторону Занза-

лама. – Ведь учеба, хоть и кажется просто учебой, на самом деле тоже являет собой достижение высокой цели тем, кто учится, даже если цель уже достигнута человечеством.

Я выглянул в окно коридора. Уже по-летнему чистое небо заняли луны – уменьшающаяся Падчерица и растущая Манеха, которая смотрелась больше своей соседки. Луны озарял оранжевый солнечный свет, предвещавший скорое наступление ночи. По виду уже было начало шестнадцатого часа. К лету день увеличивался, и совсем скоро темнеть начнет очень поздно, чуть ли не в полночь.

– Пора, – сказал я.

– Да, пора – кивнув, согласился Тробноп.

Библиотека была озарена лунами, отражающими солнечные лучи. Из-за того, что ее освещение было выключено, выглядело здание зловеще, еще больше навевая сходство с гробом. Дверь тихо скрипнула, поддавшись толчку Тробнопа, который, зайдя за учетный стол, нажал выключатель, и лампы моментально зажглись ровным уютным светом.

– В этот раз я обойдусь без клетки, – сказал я. – Спрячусь где-нибудь. У термитоида со слухом не очень хорошо, с обонянием, как я понял, тоже.

– Мы больше не нужны? – в голосе Занзалама звучали одновременно и огромное желание помочь или хоть как-то приобщиться к интересному делу, и страх перед неизвестным чудищем, которое вполне могло бы сгрызть студента как книгу.

– Нет, спасибо, дальше я справлюсь сам, – ответил я. На лице Занзалама промелькнуло облегчение. Нет, все-таки он – не тот человек, который мог бы встретиться с опасностью лицом к лицу, пусть даже работа летописца косвенно с этим связана.

Мастер-летописец Тробноп ничего у меня не спросил, он лишь кивнул мне в знак одобрения и вышел из библиотеки. Вслед за ним вышел и Занзалам. Послышался скрежет проворачивающегося в замке ключа и я снова остался заперт в библиотеке на целую ночь.

В этот раз времени было не так уж и много. Необходимо было расставить приманки по полу. Я вытащил банку с патокой. Решив, что слишком близко к вентиляции приманку лучше не разливать, чтобы не вызвать лишних подозрений у термитоида, я поднялся на второй этаж библиотеки и дошел до середины. Здесь я вылил немного сладкой смеси, чтобы образовалась небольшая лужица, далее прошел с банкой мимо шкафов к стене, создав узенькую сладкую тропинку. У самой стены я вытряс остатки. Надеюсь, зверь дойдет сюда, не отвлекаясь на книги.

Пустую банку я плотно закрыл крышкой и убрал обратно за ремень. Больше она мне не понадобится. Я вытащил меч из ножен, еще раз проверил лезвие и заодно оглядел бомбы. Теперь надо найти более-менее подходящее укрытие, чтобы спрятаться. Не найдя никакого укромного места, я просто взял читальный стол, сдвинул его немного поближе к поме-

ченной стене и опрокинул набок, а сам присел за ним.

Внутри меня немного пробежал холодок. Не знаю чего именно, но я побаивался. Был ли это страх перед боем с неизвестным доселе чудищем, или страх возможной смерти? Возможно, хотя мне казалось, что самым большим страхом на тот момент была боязнь того, что термитоид сегодня вообще не появится в библиотеке.

Однако мои опасения, к счастью, не подтвердились. Едва город окутала тьма, из вентиляции послышался шорох. Я ждал, не выглядывая, чтобы не спугнуть монстра раньше времени. Похоже, что термитоид заинтересовался недоеденной канализационной крышкой. Это было плохо, подумал я. Термитоид может наестся этой самой крышкой и до книжных шкафов попросту не дойдет.

Внезапно умеренную ночную тишину прервало радостное верещание. Мне оставалось лишь догадываться, что чудище наткнулось на мою приманку. Действительно, судя по шуршанию и топоту маленьких пушистых лапок, зверь мчался по паточной дорожке прямо на стену, облитую отравленной смесью. Видимо, термитоид все-таки имел приблизительно то же происхождение, что и кролик. Интересная заметка, но записать ее сейчас у меня не было возможности.

От стены с гулким эхом раздалось жужжание. Я осторожно выглянул из-за стола. Термитоид сидел, повернувшись ко мне спиной в три четверти и высунув свой длинный безобразный рот. Он, весело и увлеченно жужжа зубами-буром,

грыз сладкую кашу. Решив, что он меня не заметит, я вышел из укрытия, держа меч наготове. Я почти было склонился над ним, занеся клинок, но тут термитоид моментально втащил рот обратно в свою пасть и быстро развернулся ко мне.

Я сразу же опустил меч на монстра, но тот резво отпрыгнул в сторону. Его немного качнуло, похоже, белена все же чуть-чуть подействовала на него. Термитоид яростно заверещал, его пасть снова распахнулась со всей силы, и оттуда, ужасно гудя, выскочил страшный коловорот. Термитоид понесся на меня со всей своей кроличьей прытью, но я успел отскочить от направления его рывка, попутно подсекая его мечом. Термитоид снова увернулся от удара, скользя по лакированному полу библиотеки. Он встал на задние лапы, и на его брюхе я заметил еще две маленькие лапы, оканчивающиеся широкими подушечками. Термитоид взвизгнул, и с этим визгом вскинул подушечки. Я скрылся за столом. С диким свистом, прорезая воздух, в стол вонзились две толстые иглы, выйдя с моей стороны на пару сантиметров.

– Ах ты, паршивец! – воскликнул я с досады. Такого я не ожидал. Теперь же я знал, что термитоид умеет метать иглы с силой, способной пробить хорошую броню. Правда, на мне вообще не было никаких доспехов, разве что щиток на руке, но здесь он явно был бесполезен.

Я присмотрелся к кончикам игл. Они были сухие, но с глубокими бороздками. Похоже, иглы не были ядовитыми, а

бороздки были необходимы для уменьшения веса игл и увеличения скорости полета.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за миг. В следующее мгновение, убедившись, что больше игл на меня не полетит, я кувыркком выпрыгнул из-за стола. Термитоид уже несся на своих мощных лапах к своему спасению – вентиляции. Я отдернул защитную планку на поясе, вытащил бомбу и, нажав кнопку, бросил ее в сторону вентиляционной крышки. Бомба ударилась об стену чуть выше выхода и отскочила прямо под подбежавшего монстра. Я снова спрятался за стол и тут же раздался взрыв.

Термитоид заверещал. Выглянув из укрытия, я увидел, как он катается по полу вдоль стены в неудержимой агонии. Множество стеклянных осколков врезалось в его тело, и весь белый пушистый мех термитоида порозовел от его собственной крови, собравшись во влажные комки. Крапива жгла его тело, причиняя невыносимые страдания чудищу. Катание не приносило никакой пользы, напротив, осколки только глубже впивались в мясо. Ужасный рот термитоида ходил взад-вперед, беспрестанно удлиняясь и укорачиваясь, зубы, расположенные на нем спиралью, шатались в разные стороны от гнева, безумия и беспомощности. Крик зверя переходил в рев, рев – в жалостливый визг, и все это смешивалось с шумом топота отталкивающихся от пола лап и скрежета стекол о библиотечную плитку. Пол, где катался термитоид, сам стал багряного цвета. Рефлекторно, в порыве ненависти, тер-

митоид вытащил свои скрытые лапки. Я поспешно укрылся за ближайшим книжным шкафом, посчитав его более крепким, чем стол. Мимо меня прорезали воздух, синхронно звеня, две иглы. Потом еще две. Следующая пара врезалась в шкаф, за которым я стоял, с оглушительным стуком, будто в него со всей силы забили молотком длинные толстые гвозди.

Я поразился тому, сколько игл хранится в теле термитоида. Пока мимо меня свистели снаряды чудища, я старался насчитать их количество. Получилось, что за это время термитоид выпустил с двух лап порядка двадцати игл.

Наконец, выстрелы прекратились. Я осторожно выглянул из шкафа. Термитоид кое-как образумился и теперь еле-еле ковылял к спасительной дырке. Одурев от боли и жжения в ранах, усиленных опьянением от съеденной белены, он не обращал внимания ни на что вокруг, идя прямо к своей цели. Не видел он и меня, подбежавшего к нему. Быстрым и легким движением я снес термитоиду голову и тут же отпрыгнул от неожиданности, потому что все мышцы монстра после смерти расслабились и из пасти вылез во всю длину, конвульсивно дергаясь в разные стороны, ужасный зубастый рот-дрель чудища. Кровь потекла из шеи монстра, однако не слишком сильно, так как значительная часть уже вытекла из многочисленных ран на его тушке.

Я достал резиновую перчатку и, надев ее, обмакнул палец в образовавшуюся красную лужу. Ничего с перчаткой не произошло, значит, кровь термитоида не являлась кислотой.

Но она все равно может быть ядовитой, поэтому я на всякий случай вытащил из сумки пробирку и забрал немного крови прямым из раны. Также я взял с собой одну из игл, убрав ее за один из ремней. Вспомнив про иглы, я заглянул под тушку термитоида, осмотрев его внутренние лапы. Действительно, под подушечками скрывался целый мешок, где росли иголки. Чуть выше мешка находилось множество мелких мышц, очевидно, отвечавших за выстреливание этими самыми иглами. Сами лапки были довольно маленькими и компактными и в сложенном состоянии спокойно держались под брюхом чудища, не мешая его движению.

Я вытер перчатку, снял ее и убрал обратно в сумку, а потом сел за один из читательских столов. Я достал свой блокнот и начал записывать все, что узнал за сегодняшнюю ночь. К утру, когда снова послышался скрежет замков, у меня уже было готово несколько страниц с достаточно подробным описанием термитоида и способами охоты на него. Хотя сами записи еще требовали некоторых уточнений, я был доволен проделанной работой.

Когда Занзалам с Тробнопом зашли в библиотеку, я прочитал в их глазах некоторое удивление.

– И этот кролик жрал наши книги? – спросил Тробноп.

– Присмотритесь получше к кролику, мастер-летописец, – ответил я. – В особенности на голову «кролика».

Оглянувшись, летописцы ахнули.

– Ничего себе штукovina, – прошептал в ужасе Занза-

лам. – Как он так людей не ел... .

– Чудище само по себе пугливое, и люди не входят в его рацион. Да и атакует оно совсем не пастью, – сказал я, показывая иглу.

Тробноп осторожно взял иглу из моих рук и внимательно ее осмотрел.

– Поразительно, – восхищенно сказал он. – Это коготь?

– Это снаряд, – возразил я, – термитоид метал такие иглы. Эту я оставляю себе для исследований, но в библиотеке на полу и в шкафах осталось еще полтора десятка таких.

– А что делать с самим чудищем? – спросил Занзалам, не столько меня, сколько Тробнопа.

Тробноп вопросительно взглянул на меня.

– Тебе нужно тело чудища? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – все, что мне было нужно, я уже забрал.

Кафедрального мастера этот ответ более чем удовлетворил.

– Занзалам, иди в университет за мешком, – скомандовал он. Занзалам тут же понесся вниз по ступеням, громко стуча ботинками, и хлопнул за собой дверь.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – спросил мастер-летописец.

– Мне осталось лишь дополнить мои записи, – ответил я. – Пожалуй, я попробую догнать Занзалама.

– Тогда не буду тебя задерживать, – кивнул Тробноп.

Я встал из-за стола, собрав все свои вещи, и спустился по

лестнице. Оглянувшись назад, я увидел, что летописец пошел к шкафам и, сокрушаясь по поводу каких-то поврежденных фолиантов, начал ощупывать иглы, воткнутые в полки. Решив более не задерживаться в библиотеке, я вышел в вестибюль и направился к входной двери.

Открыв дверь, я немного отпрянул от внезапного порыва свежего воздуха, прилетевшего с моря. Стремительный солоноватый бриз прошиб мне нос, взбодрив меня после бессонной ночи. Вспоминая дорогу к университету, я пошел навстречу поднимающемуся солнцу, которое уже начало нагревать городскую дорожную плитку по-настоящему летним жаром.

Занзалам любезно предоставил мне свою комнату для моих исследований, уйдя гулять на целый день. За это время я успел убедиться с помощью нехитрых химических опытов в том, что термитоид не обладает никаким известным ядом. К тому же обнаружилось, что кровь чудища обладает плохой свертываемостью. Данное открытие меня вдохновило. Если кому-либо из охотников встретится еще термитоид, то для его убийства вполне хватит даже одной раны, которая станет смертельной для монстра.

Полученные знания я кропотливо записал в свои заметки, после чего правильно сложил все записи вместе. Рукопись я бережно упаковал в сумку, положив осторожно, чтобы не повредить тонкий и нежный пергамент.

– Что будешь дальше делать с записями? – спросил меня

голос Занзалама, внезапно зашедшего в комнату. От неожиданности я вздрогнул и чуть было не упал на свою же сумку.

– Не пугай меня так, – сказал я. Занзалам рассмеялся.

– Да ты что! – гоготнул он. – Охотник на чудищ испугался студента-летописца? Никогда не поверю! Так что, – он наклонился ко мне, – что дальше-то, Гавилан? Вернешься обратно в Пироград или останешься в Верселлии? Отметить вместе каникулы или тебе уже пора отправляться?

– Не знаю, – честно признался я. – Я как-то не особо задумывался об этом. Но оставаться тут без дела я точно не буду. Знаешь, – я взял сумку в руки, открыл ее и стал доставать рукописи, – может, ты возьмешь себе на хранение? Я боюсь, что в моих странствиях с записями может что-то случиться.

Занзалам посмотрел на меня и мои листы и отодвинул мои руки.

– Нет, – ответил он, – я не возьму. Ты же меня знаешь, – он улыбнулся, подмигнув. – К тому же надо, чтобы ты написал свой собственный бестиарий. Пусть эти записи будут твоей первой главой в книге. Когда напишешь всю книгу, тогда я ее возьму и помещу в библиотеке, на самом видном месте, чтобы любой охотник на чудищ в будущем мог прочитать про удивительных монстров, встреченных Гавиланом, и узнать способы борьбы с ними.

– Спасибо, Занзи, – добродушно ответил я. Занзалам поморщился.

– Пожалуйста, не называй меня так, – сказал он. – Ты же

знаешь, что мне не нравится, когда меня так называют, Гави.

Теперь настал мой черед морщиться. Занзалам усмехнулся и протянул руку.

– Больше никаких «Занзи» и «Гави», идет? – спросил он, улыбаясь.

– Идет! – рассмеялся я и пожал ему руку.

– Знаешь, – продолжил я, зевнув. – Что-то я давно уже не спал.

Занзалам забеспокоился.

– Ох, конечно! – воскликнул он. – Я, пожалуй, пойду еще прогуляюсь, а ты отсыпайся.

– Спасибо тебе еще раз, – сказал я товарищу. – Ты за это время столько всего для меня сделал.

– А уж как много ты сделал! – возразил Занзалам. – Причем не только мне, а всему Университету. Ладно, – он встал с кровати, на которую только недавно присел, – я пошел. Спокойной ночи... Или дня, как тебе там удобнее... – Он снова улыбнулся и вышел из комнаты.

Сколько я проспал, я сам не знал. Мне казалось, что я пролежал всего ничего, однако Занзалам, растормошивший меня, охрипшим голосом сказал мне, что я спал около полутора суток. Слипшимися от долгого сна глазами я взглянул на него. Похоже, что пока я спал, Занзалам неплохо погулял, попробовав все известные ему способы проведения досуга, такие как выпивка и драки, что четко отпечаталось на его лице.

Занзалам с грохотом упал на кровать, слегка постанывая от бурно проведенных часов. В это время я, потирая чешущийся правый глаз, упаковывал вещи обратно по сумкам и карманам. В конце концов, я собрал все свои пожитки и устался на Занзалама.

– Ты что, уже уходишь? – простонал он, глядя на меня.

– Конечно, – ответил я. – Извини, но дальше наши пути расходятся. Тебе предстоит продолжить обучение, а я пойду путешествовать.

– Куда же ты собираешься? – спросил Занзалам, оперев рукой подбородок. Локоть соскользнул с кровати, и Занзалам полетел вслед за ним на пол.

– Я думаю посмотреть Энтерберг, – ответил я, поддерживая товарища под мышкой и помогая ему устроиться обратно на кровать.

– Лесное Убежище? Оно же глубоко в Энтеррском лесу, где полно всяких хищников и хрен знает чего еще! – удивился Занзалам.

– Именно поэтому я туда и хочу, – улыбнулся я. – В Энтеррском лесу наверняка полно чудищ. А где много чудищ, там много и работы для охотника.

– Вот оно как... Это... Гавилан... Можно мне тебя не провозить? – спросил Занзалам, пытаясь затащить свои ноги на кровать. Получалось у него не очень хорошо, но я был уверен, что к вечеру он как раз справится.

– Без проблем, – ответил я. – Я не обижусь.

– Куда мне писать, если вдруг что?

– Не переживай, я тебя сам найду, – сказал я и направился к выходу. Никогда не любил долгих прощаний, а наш разговор и так уже слишком затягивался.

– Счастливо, – сказал я довольно громким голосом и захлопнул дверь.

Немного подумав, я зашел на кафедру летописи. Как я и ожидал, Тробноп сидел там. Он был в окружении других профессоров, которые поздравляли его с убийством вредителя. Обезглавленная тушка термитоида лежала там же на столе, к ней подходили, осматривали и, цокая языком, снова шли к мастеру-летописцу. Заметив меня, Тробноп сразу же оставил своих коллег и подошел к двери.

– Спасибо тебе, Гавилан, за твою работу, – сказал он, роясь в карманах своей мантии. – Ты хорошо поработал, Университет будет вечно тебе благодарен, – с этими словами он вытащил из кармана позвякивающий мешочек и протянул его мне. – Вот. Здесь сто золотых монет. Конечно, это не стоит всех тех книг, которые были бы уничтожены, если бы ты не вмешался, но тем не менее такая сумма вполне серьезная.

Я старался не подавать излишней радости. Сто золотых – это сумма, на которую можно месяц питаться в дорогих ресторанах до отвала! Это жизнь в самых дорогих отелях, а не в дешевых общих лежанках! Это путешествия в карете, а не пешком! Наша семья, сколько я помню, в год зарабатывала порядка десяти золотых, и то мы считались зажиточными.

Корова тогда стояла, наверное, монет семь...

– Спасибо, – только и мог сказать я.

Тробноп словно прочитал мои мысли.

– Конечно, может, для тебя такая сумма огромна, – ответил он. – Но не забудь также, что тебя ждет далекий путь странника. Не забудь также, что охотник – это профессия непостоянная, и тебе не всегда будет хватать денег на жизнь. Будь готов ко всему, юный Гавилан, и в первую очередь к лишениям. Университет может позволить себе потратить такие деньги, а вот крестьяне, которых ты можешь спасти от опасности похуже того термитоида – нет.

– Спасибо, – снова сказал я. – Спасибо большое, мастер Тробноп. Кстати, – замялся я.

– Да? – спросил кафедральный мастер.

Я вытащил из сумки свои записи про термитоида.

– Возьмите эти записи. Я сделал себе копию, но хочу, чтобы один экземпляр лежал у вас, в сохранности. Я уже просил Занзалама...

– Занзалам не принял и правильно сделал, – кивнул Тробноп. – В какой-то мере он понимает, что еще не научился хранить истинно драгоценные вещи. Хорошо, Гавилан, – он принял записки из моих рук, – я сохраню эти записи в Университете. Пусть Верселлия, а с ней и весь мир, будет помнить про охотника на чудищ Гавилана.

– Тробноп! – послышался крик из кабинета. – А что это за клыки? Ой!..

– Иду! – крикнул летописец внутрь комнаты и снова обратился ко мне. – Кажется, они переключились на голову, которую я им еще не показывал, – улыбнулся он. – Ну, Гавилан, счастливого тебе пути!

– Благодарю, – кивнул я в знак уважения.

Тробноп тепло улыбнулся.

– Не знаю, встретимся ли мы еще раз, но знаю одно – в Верселлию ты еще вернешься. Неизвестно когда, но, может, какой-нибудь кафедральный мастер Занзалам встретит тебя и примет твои бестиарии.

– Кафедральный мастер Занзалам?! Ты там с ума сходишь что ли?! – снова послышалось из кабинета.

Я рассмеялся.

– Счастливо вам всем, – сказал я.

Тробноп пожал мне руку.

– И тебе счастья, – ответил он.

На этих словах мы развернулись и ушли, каждый в свою сторону: я – из Университета, а мастер-летописец – в свой кабинет, к коллегам.

Я шел по горячим, обжигающим камням мостовой Верселлии, и думал. Несмотря на то, что я ненавидел долгие прощания, летописцам как-то удалось разговорить меня достаточно надолго. С другой стороны, на то они и летописцы, чтобы позволить людям высказать им все, что лежит на душе и хранится глубоко в голове. История не терпит искажений, и им надо узнать всю правду.

В моей фляге бултыхался так и не использованный самогон, а пить хотелось с каждым шагом все больше и больше. Я откупорил крышку фляги и вылил самогон на мостовую. Камни зашипели, от них моментально пошел пар. Я взглянул в сторону моря. Яркое солнце светило над ним, раскинув свои лучи по всему небосводу. Чайки не летали в это время, дожидаясь вечера, когда жара спадет. Люди тоже старались не находиться долгое время на улице, проводя полдень в тавернах с друзьями. Я решил последовать их примеру и заодно пополнить припасы еды и воды. Наступало лето, и меня ждал долгий путь в таинственный Энтерберг, Лесное Убежище.

Глава 2. Сумрачный Город

Раздался тихий щелчок, и гнолл, харкаяще гавкнув, свалился в лужу.

– Отлично, – прошептал я, оценив действие своего нового ручного арбалета. Пока я ставил на взвод новый болт, вокруг мертвого товарища встали другие гноллы. Они что-то испуганно обсуждали на своем собачьем, лающе-рычащем языке. Пока они переругивались, грозя друг другу своими допотопными копьями, в одного из них влетел очередной болт, пробив насквозь затылок. Несчастный гнолл рухнул прямо на своего мертвого соплеменника. Проследив глазами направление выстрела, гноллы наконец обнаружили меня – своего убийцу – в соседних ракитовых кустах. Однако прежде чем они подбежали ко мне, я бросил в них бомбу.

Бомба не содержала ничего, кроме пороха, но большего и не требовалось. Энтеррский лес славится своими широкими топами, по которым было опасно ходить, не зная секретных троп. Часто из глубин мягкой, глинистой земли вырывался на свободу тухлый болотный газ. Гноллы как раз стояли в одной из таких небольших газовых тучек газа. Взорвавшись, бомба воспламенила его, и он мгновенно вспыхнул, разорвав тела гноллов.

Я успел отвернуться от взрыва. За куст, прямо мне на голову, упала оторванная уродливая рука, покрытая потерты-

ми рунами из засохшей грязи. Эту руку я подобрал и подвязал себе на пояс в качестве трофея, затем подобрал заостренный шест-водомерку, которым проверял проходимость троп, и пошел обратно в деревню.

Предупреждения Тробнопа оказались верными – большую часть золота я потратил только в попытке добраться до Энтерберга. Никто из купцов и торговцев не горел желанием туда отправляться, а те, кто собирал караваны до Лесного Убежища, как иначе называли Энтерберг, отказывались брать лишнего человека. Кое-как я нашел караван ремесленников из самого Энтеррского леса, собиравшийся обратно в свой полис, но задешево меня брать не хотели. Как ни уверял я их, что прекрасно гожусь на роль охраны каравана, никто из них мне не верил, то ли из-за моего возраста, то ли из-за непримечательного вида, без брони и доспехов. В итоге я договорился на место только за целых пятнадцать золотых монет. Удивительно, но дорога обошлась без каких-либо происшествий, так что я действительно оказался лишним человеком в караване.

Полис был поразительным, непохожим ни на один другой во всей Телехии. Давным-давно люди основали его, чтобы вместе защититься от напастей леса. Кругом были дикие звери, опасные болота, неизлечимые болезни – выжить в одиночку было невозможно. Сильные вожди древних племен объединились вместе и построили Энтерберг, Город в Лесу Энтерр, Убежище от Леса.

Жилая часть города была не слишком большой, по площади немного превышая простые деревни. Десятки хижин обвивали высокие многовековые деревья в несколько уровней. Жилища стояли прямо на толстых ветвях старых дубов и гигантских ив и омел, крепко держась мощными опорами из прочных брусьев. Такие домики на деревьях и составляли весь город, в центре которого была площадь, на которой торговали и справляли охотничьи праздники. За жилой частью города разрастались укрепления, состоящие из рядов стен, частоколов, крепостей, заборов, решеток и рвов. Повсюду, тут и там, находились окопы, ежи, гирлянды колючей проволоки, ловушки и западни. Защитная линия Энтерберга простиралась далеко настолько, что попасть в него стало действительно трудно. Со временем все это поросло бурьяном и плющом, рвы вышли из своих же берегов, затопив близлежащие окопы, частоколы заросли кустарником, завалившись набок, отчего местность стала еще более непроходимой. Деревья склонили над городом свои лианы, загордив от солнца крыши домов. Булыжники мостовых поросли травой, смешавшись с грязью топей. Энтерберг помрачнел, слившись цветом с окружающей его природой. В бегстве от лесных опасностей Энтерберг сам стал частью леса.

Город почти не занимался ни производством горшков, ни шитьем, ни выпечкой пышных булок. Практически все ремесла объединяло одно – охота. Большинство жителей Лесного Убежища были охотниками, либо так или иначе отно-

сились к охоте – кто-то дубил шкуры, кто-то работал в кожаной мастерской, кто-то ковал оружие.

Когда появились чудища, множество их произошло из Энтеррского леса, густо заселенного диким зверьем. Здесь же появились первые охотники на чудищ. Первые бестиарии писались тут, под угрюмыми кронами старых деревьев.

Но я недолго пробыл в самом Энтерберге. Я лишь познакомился с некоторыми людьми и прочитал большую часть бестиариев в городском книжном хранилище, после чего отправился в близлежащие деревни. Само собой, жители деревень были не против помощи охотника, хоть они и полагались больше на собственные силы. Тем не менее, за все время, что я жил под покровом леса, мой заработок был более-менее постоянным. Вот и сейчас мне в который уже раз поручили избавиться от гноллов, наседавших на крестьян, выращивающих рис в местном мелком озере.

Гноллы были, несмотря на свой общий практически небоеспособный внешний вид, одними из самых пугающих чудищ. Читая бестиарии разных лет, я поражался тому, как по-разному были описаны гноллы. В итоге я пришел к выводу, что гноллы стремительно развивались и эволюционировали. Изначально они почти ничем не отличались от диких собак, разве что были чуть злобнее и безумнее. Потом они постепенно вставали на задние лапы, а передние развились в кисти, так что они смогли держать и использовать простые орудия. Вскоре гноллы стали одеваться в рваные

тряпки, а последний из прочитанных мною бестиариев описывал примитивный гнолльский язык. Этот бестиарий ужаснул меня больше всего, ибо написан он был всего полгода назад, а гноллы, которых я встретил, довольно резво общались на своем языке, явно используя сложные конструкции. Того и гляди, подумал я, скоро они начнут тактически мыслить, а это грозит ужасной войной. Именно поэтому я всегда в первую очередь брал поручения на убийство гноллов, стараясь истребить их как можно больше.

В энтеррских деревнях мне нравилось то, как относились к охотникам. В каждой деревне на главной улице в землю были прочно вбиты широкие таблички, на которые местные жители крепили объявления разного толка. Кто-то просто писал новости за последний месяц, кто-то звал на праздник, а кто-то искал пропавшую свинью. Конечно, мало кто владел письменностью, поэтому в основном все объявления были написаны одним и тем же почерком местного писаря. Были среди бумажек и такие, на уголках которых ярко выделялась красная полоска. Они-то меня и интересовали, ибо это были заказы на убийство чудищ. Зачастую там же писали и награду, так что я просто брал листок и сразу же принимался за дело.

Лето прошло для меня незаметно, так как я, во-первых, был занят охотой, а во-вторых, в чаще леса не ощущалась та жара, какая бывает в других краях Телехии. Правда, жители деревень мне говорили, что осенью болота во время дождей

разрастаются слишком широко, так что у них именно осень, а не зима – время, когда все сидят дома.

Уже приближался конец Грабня – второго месяца лета. Крестьяне собирали урожай, последние торговцы собирались с запакованным товаром в другие города, старики заготавливали соленья и консервировали ягоды на ближайшие полгода.

Подумать только – прошло уже девять лет, как я уехал из почти такой же деревни, в которую заходил сейчас. Теперь многочисленные задания закалили и натренировали меня. Я даже успел приобрести у одного механических дел мастера новый ручной арбалет, который только что опробовал на гноллах. Конечно, с таким не очень удобным оружием ловкость немного снижается, но зато гноллы даже не успели дойти до меня. Руки, правда, чесались от желания погромсать какого-нибудь монстра мечом.

В деревне я сразу повернул к дому старосты. Не успел я подойти к порогу, как дверь тут же открылась, и вышел хозяин дома, Таллиан-Энтеине. Это был высокий, даже очень, мужчина среднего возраста. Он вроде бы уже начинал стареть, но его лицо и тело все еще скрывали эту тайну, стремясь отобразить в действительности стан молодого парня. Он все время воевал со своей бородой – постоянно ее сбривал, но она каким-то чудесным образом отрастала обратно буквально за день. Я заметил, что он только что брился, но волоски уже нагло лезли наружу по всему подбородку. Одет

он был в жилет из красной кожи, переплетенный бечевкой, что интересно сочеталось с его лохматой прической болотного цвета.

– Гавилан! – обрадовано провозгласил он. – Я тебя как раз ждал!

– Что случилось? – взволнованно спросил я.

Таллиан-Энтейне рассмеялся.

– Ничего такого, – ответил он, – не переживай. Просто тут есть одно дело... Ты живешь в доме старухи Бергезиль, а она, сам знаешь, одинока, ни мужа, ни сыновей. Сам понимаешь, тяжело ей к осени-то готовиться. Я предлагаю тебе условие – ты соберешь ей овса для домашних животных да заготовишь дров до весны, а я договорюсь, что она с тебя плату за проживание до конца лета брать не будет.

Я подумал. Предложение довольно заманчивое. Хотя работать в поле – тем более в поле, которое находится в лесу – не самое увлекательное занятие, я таким образом сэконоблю немного денег.

– Ладно, – согласился я. – Идет. Кстати, о работе – я нашел тех гноллов, которые испортили всходы риса у семьи Вийборнов.

Таллиан-Энтейне, усмехнувшись, принял руку гнолла.

– Отлично, – сказал он. Он ушел в дом и спустя минуту вернулся с монетами в ладони – Вот твои два золотых. – Он отдал мне деньги и улыбнулся: – Поле ждет тебя.

Вечером, после тяжелой работы, я плотно покушал у ба-

бушки Бергезиль, которая теперь, казалось, стала еще добрее ко мне, и отправился во двор отдохнуть. Я полулежал, облокотившись на собранный стог сена, а рядом на скамейке сидел староста, раскуривая трубку душистым табаком, измельченным с листьями омелы. Сладко-колючий хвойный запах успокаивал нервы и настраивал на хорошее настроение, так необходимое здесь, в Энтеррском лесу.

– Скажи, Таллиан, – начал я.

– М? – спросил староста, держа губами мундштук.

– Откуда у тебя такое странное двойное имя?

– О, это интересная история, – улыбнулся он, задумчиво поднимая глаза вверх. Наверху действительно было что смотреть. К ночи различие между небом и верхушками деревьев размывалось, и лунный свет нежно окрашивал все вокруг в приятный бирюзовый цвет. В коре дубов просыпались светлячки, взлетая на листья, и эти маленькие огоньки порхали в воздухе, собираясь в странные и красивые созвездия. Где-то, казалось, издалека ухали неизвестные звери, выли волки, стрекотали кузнечики, гудели цикады – ночной лес жил не хуже дневного, производя мириады маленьких звуков, сливающихся в одну большую густую колыбельную.

Староста тем временем начал свою историю:

– Моя мать была мечтательной девушкой и настояла на том, чтобы мне к моему обычному энтеррскому имени, Таллиан, добавили имя Энтеине, что, по ее мнению, в переводе с эльфийского означает «не расстающийся».

– Эльфийского? – спросил я. – Эльфов же вроде как не существует. Откуда им взяться?

– Говорят, эльфы иногда заходят в Лесное Убежище. Это очень скрытный народ, и никто не знает точно, как они выглядят. В основном, все сводится к единому мнению о том, что у них просто уши длиннее, чем у людей, а сами они немного повыше и жилистее. Говорят, что эльфы – истинные хозяева леса, и они недолюбливают людей, построивших свой город прямо в чаще Энтерра. Сами они, конечно же, живут не прямо в лесу, у них есть свой город, раскинувшийся под сводом гигантского дерева – Сердца Энтеррского леса. Само дерево – это их дом, а природа – архитектор. Город этот, несмотря на его огромнейшие размеры, никто никогда не видел, потому что эльфы оберегают его от непрошенных гостей разными магическими заклинаниями и оберегами. Я слышал, что эльфы свой город называют Дадал'Тревар, а мы называем его Сумрачным Городом.

– А ты веришь в эльфов? – спросил я Таллиана. Тот усмехнулся.

– А какой смысл верить в то, чего нет? – ответил он. – И какой смысл не верить в то, что действительно есть? Вот я, например, верю в обед, но не верю в двухголового кабана, потому что никогда такого не видел.

Я задумчиво жевал былинку, выдранную из стога.

– Я тоже не верю в двухголового кабана, – высказался я. – Но мой разум охотника не отрицает возможность ко-

гда-нибудь встретить его. За пару лет службы следователем Пирограда я увидел множество странных существ, которых не всякий увидит и за всю жизнь, а за пару месяцев в роли охотника на чудищ я повидал еще больше монстров, причем иногда таких, каких никто до меня не видел. Кто знает, может, двухголовый кабан ждет меня где-нибудь на тропинке, ведущей из твоей деревни.

Таллиан-Энтейне рассмеялся, но тут же, подавившись дымом из трубки, закашлялся.

– Смотри, как бы тебе трехногий енот не попался, – гоготнул он, наконец успокоившись. – А вообще, не стоит загружать себе голову лишними фактами. Я видел ученых, которые проходили через нашу деревню. Они настолько забивали себе ум, что старели уже к тридцати годам. Мне уже идет пятый десяток, но я не видел ни одного седого волоса у себя на голове. Сказать по правде, – он наклонился ко мне ближе, дыхнув ароматом омелы прямо в мое лицо, – я был бы не против облысеть, – с этими словами он рассмеялся и откинулся обратно, почесывая свой заросший подбородок.

Я вздохнул, улыбаясь. Люди в Энтеррском лесу были довольно странными. Здесь никто не зависел сильно от других, как везде, и почти никто не заводил себе друзей. Все относилось к жизни проще, и старались особо не вникать в жизнь других. Наверное, Таллиан прав – не надо стараться удерживать в голове больше, чем тебе нужно, тогда и жить станет легче. Правда, мое призвание заставляет меня штудировать

бестиарии чуть ли не стопками и готовиться при встрече с любым противником. Мой мозг и так уже перегружен, а ведь мне пока только семнадцать.

Когда я возвращался в дом Бергезиль через задний двор, краем глаза я заметил какое-то движение в лесу. Расплывчатый силуэт легонько тронул ветку так, что она даже не качнулась, что меня насторожило. Я быстро забежал в дом, наспех набросил на себя свои вещи и оружие, не замечая удивленный взгляд Бергезиль, и понесся в чащу. Кто-то пытался скрытно шпионить за деревней, и я должен его найти.

Больше всего я боялся, что это был гнолл. Если мои опасения подтвердятся, это будет означать, что гноллы развились еще сильнее. Пока я пробирался сквозь бурьян, убегающая тень скользнула вдоль маленького ручья, протекающего в этом месте, не создав ни малейшего звука. Я же, по своему собственному мнению, шумел так, что даже сверчки замолкли и попрятались по своим укрытиям.

Продираясь через густо расположенные упругие ветки кустов, листья которых были покрыты ночной испариной, я выбрался на небольшую полянку, засвеченную ярким лунным светом. Тень стояла напротив меня, и я смог разглядеть ее очертания. Верхняя часть тени выглядела похожей на человеческую, точнее – на полуобнаженную фигуру молодой девушки, а снизу я опознал поджарый стан кобылы, стоящей на четырех тонких ногах, оканчивающихся высокими копытами.

Дриада! Этих существ я нередко видел в бестиариях. Опытные охотники писали, что дриады обладают интеллектом не меньшим, чем люди, при этом они чрезвычайно ловки и выносливы. Живут они глубоко в лесу, и убежать от них нет смысла, потому что они легко и быстро догонят любого, а свой лес они знают лучше, чем кто бы то ни было. Зачастую дриады устраивали засады на охотников, зашедших достаточно далеко в чащу Энтеррского леса. Немного людей выжило после встречи с дриадами, но все они описывали дриад как сильных и ловких воинов, вооруженных отравленными копьями.

Дриада, стоящая передо мной, как раз держала копье в занесенной над плечом руке, чтобы в любой момент метнуть его в меня. Я прикрылся щитком на правой руке, а левой стал нащупывать арбалет. Возможно, дриады не совсем хорошо разбираются в технологиях людей...

Чья-то рука тяжело опустилась мне на плечо.

– Даже не думай, доних, – грубо сказал голос за моей спиной, ткнув мне между лопаток чем-то острым.

Я застыл в том положении, в котором меня застали врасплох. По спине ледяным водопадом проползли мурашки. Кто и как умудрился подобраться ко мне так близко, не издав не малейшего шума? Я тихо стоял, глядя на дриадку перед собой. Она благодарно кивнула тому, кто меня держал, и ускакала дальше в лес, ловко и стремительно ныряя в открытые коридоры между зарослями.

– Что мне делать? – спросил я своего порабитителя.

– Ничего, что могло бы нанести вред, – ответил голос. Судя по тембру, голос принадлежал серьезному мужчине средних лет. – Если ты обещаешь не причинять боли дриадам, я отпущу тебя.

– Она сама вскинула копье, – возразил я и тут же получил еще один тычок между лопаток.

– Но это именно ты стал на нее охотиться, – сказал голос.

– Я просто увидел подозрительную тень рядом с деревней, – пытался оправдаться я.

– С твоей деревней ничего не случится, доних. Сначала мы подозревали, что на нее нападут гноллы, но опасность миновала. Кто-то уже убил их.

– Возможно, что это был я, если ты имеешь в виду гноллов, которые портили рис, – сказал я. Другая рука опустилась на противоположное плечо и развернула меня.

– Так это ты – тот доних!

Передо мной стоял высокий мужчина в зеленом плаще и такого же цвета камзоле, сделанном, на первый взгляд, из листьев. Через плечо у него был надет длинный изогнутый композитный лук. На голове мужчины красовалась огромная темно-серая широкополая шляпа, за которой не было видно глаз, но из-под нее, словно контрастируя с холодным тоном одежды, струились длинные тяжелые светло-золотистые волосы. Подбородок его красиво окаймляла полоска короткой бороды, которая, в отличие от волос, была черная,

как самая темная ночь. На шляпе я заметил ремешок, на котором красовалась большая пряжка с причудливой формой. И тут я заметил...

– Ты эльф? – спросил я.

Из шляпы через специально проделанные щели торчали заостренные кончики длинных ушей. Мужчина хитро улыбнулся, обнажив мелкие зубы.

– Ну да. И что теперь, доних?

– Почему ты меня называешь Донихом? Я Гавилан, – возмутился я, предположив теперь, что меня перепутали с кем-то другим. Но эльф был по-прежнему серьезен.

– Ты доних. Твой друг – доних. Любой из твоей деревни – доних, – ответил он. – Доних – это, по-вашему, кажется, человек.

Эльф все еще держал меня за плечи, не давая вырваться из захвата. Несмотря на его не такой уж и грозный вид, он был чересчур силен для меня.

– Зачем ты меня поймал? – спросил я.

– Ты охотился на дриаду, – повторил эльф. – Это неправильно для охотника. Я сам – охотник. Охотник не охотится бездумно. Охотник должен знать и понимать, на кого можно охотиться, а на кого – нет. Дриады не желают зла, значит, на них охотиться нельзя.

– Да я вообще не знал, что это именно дриада, – ответил я. – Я увидел только подозрительную тень и последовал за ней. А вдруг это действительно был бы гнолл?

– Какой ужас, охотник не умеет распознавать цель, – покачал головой эльф. – Тень дриады разительно отличается от тени, отбрасываемой гноллом. Если тебе, чтобы во всем убедиться, нужно увидеть самого гнолла, то ты ничем не отличаешься от других, не охотников.

Я промолчал. Эльф приподнял голову, и я увидел пару прищуренных лиловых глаз, оценивающе глядящих прямо на меня. Так же я увидел брови, такие же светлые, как волосы эльфа, и длинные, почти как его уши.

– Я вижу, что ты молодой доних, – продолжил он, – а значит, учишься. Возможно, скоро ты начнешь различать тени. Советую тебе как можно скорее этому научиться, потому что в следующий раз я тебя просто так не отпущу.

С этими словами он выпрямил свои руки, оттолкнув меня назад. Я опрокинулся на спину, еле-еле успев подставить локти, чтобы не удариться. Тем временем эльф подпрыгнул, причем довольно высоко, словно отпружинив от земли, присел на нижнюю ветку дуба и побежал вдоль нее, затем перепрыгнул на другую ветку соседнего дерева и таким образом скрылся из виду. Я смотрел на его перемещение как завороченный, так что даже не принял ни малейшей попытки проследить за ним. Да я бы и не успел за эльфом, настолько стремительно он убежал.

Уже далеко за полночь я вернулся в деревню. Дорогу назад я нашел лишь по сломанным сучкам, которые сам же и оставлял, гонясь за дриадой. Старушка Бергезиль уже креп-

ко спала, отчаявшись дожидаться меня. А может, она решила, что я снова ушел на охоту. Разбудить ее, даже специально, было сложно, поэтому я спокойно разделся и лег спать.

Следующую пару дней я провел спокойно, помогая Бергезиль собирать урожай. С этого времени она, довольная как никогда раньше, стала кормить меня словно поросенка на убой. Но сельская работа не могла полностью отвлечь меня от высказанных эльфом мыслей о том, что за деревней могли следить гноллы. Про встречу с дриадой и эльфом я никому из жителей деревни, естественно, не сказал.

К утру третьего дня я проходил мимо доски объявлений и заметил новый листок, помеченный красной полоской. Я содрал его и стал читать. Дом семьи Сигнелль, расположенный на самом краю деревни, прошлой ночью слышал тихий гогочущий лай. Испугавшись, что это может быть гнолл, Сигнелли просят охотника разобраться.

Я задумался, вспоминая домик Сигнеллей. Старейший Мордрент был главой этой семьи – статный широкий мужик с густым волосяным покровом по всему телу. Ни одна гулянка не обходилась без него, причем не только как участника, но и как устроителя. Такому человеку, конечно, гноллы вполне могли привидеться, но вот только его старшая дочь, набожная Таинка, вряд ли просто так перепутает гнолла с обычной собакой. Я решил немедля пойти и разобраться с проблемой.

Через полчаса я был уже на подходе к дому Сигнеллей,

где кончалась деревня. Вообще, все время моего пребывания в Энтеррском лесу меня передергивало от простого слова «деревня» без упоминания названия, но местные селяне не так много путешествовали, поэтому количество населенных пунктов у них зачастую ограничивалось двумя – «моя деревня» и «Энтерберг». Именно по этой причине ни одна, хоть самая захолустная, хоть богатая и урожайная деревня в лесу не имела своего собственного названия. Глубоко в сердце я был чрезмерно счастлив, что люди Энтерра хотя бы своим детям дают имена, а не называют друг друга как-нибудь типа «мой сопляк».

К самим Сигнеллям я не заходил, потому что встретил у калитки их двора одетую в кружевную шаль молодую Таинку, возвращавшуюся с колодца, которая вкратце рассказала мне про вчерашний случай. Оказывается, лай был слышен под самими окнами. К счастью, Таинка всегда закрывает ставни на окнах на ночь, а дом Сигнеллей всегда выглядел будто заброшенный. Таинка рассказала, что лай был не такой, каким обычно заливаются собаки, а словно ругающийся, покрикивающий. Девушка испуганно шептала, что казалось, будто снаружи что-то замышляют. Никто из их семьи не открывал ни окна, ни двери до самого утра.

Я поблагодарил девушку за подробности, а сам зашел за угол дома, где начиналось болото. Опустившись на корточки и порывшись в грязи, я обнаружил полустертый след. Он был похож одновременно на собачий и на человеческий. Та-

кой определенно могли оставить только гноллы. Мои худшие опасения стали подтверждаться. Похоже, что гноллы теперь научились планировать свои действия. Мне придется столкнуться с группой чудищ, взаимодействующих друг с другом.

Я решил дождаться ночи. Если монстры не поумнели чересчур резко, тогда они наверняка решили напасть на деревню в темноте. Отправившись к себе, я собрал все необходимые виды оружия для борьбы с гноллами – арбалет, простые бомбы, слезоточивые бомбы, сделанные из едкой луковой смеси, свой короткий меч, капканы. Вечером, перед отходом ко сну всех деревенских жителей, я предупредил Сигнеллей о том, что может произойти ночью. Таинка робко кивнула и наскоро перекрестилась, а Мордрент недоверчиво глянул на меня, хотя ничего не сказал. Его жена обняла маленьких детей, крепко прижав к себе, и с беспокойством смотрела на своего мужа, непринужденно относящегося ко всему в жизни.

Я расставил капканы вокруг дома и рядом с тропой, ведущей в деревню. Затем я достал свой шест-водомерку и расковырял в нескольких местах болота дырки, которые яростно захлюпали, пытаясь всосать в себя воздух. Такое импровизированное поле с ловушками гноллов не остановит, но заметно их задержит, и чудищам придется двигаться отдельными маленькими группами или поодиночке. В одиночку сразу всех собакоподобных монстров мне не остановить, а так мои шансы к победе заметно увеличивались.

Ночь еще не успела наступить – было, наверное, около половины семнадцатого часа – когда я услышал вдалеке шелест веток. Болотная грязь булькала под многочисленными лапами гноллов, а я сидел на полуразваленной скамье близ тропинки и ждал. Я сидел в полузабытье, до конца не понимая, что я буду делать, когда армия чудищ, наконец, дойдет до деревни. Несмотря на свою страсть к планированию операций, сейчас я не осознавал себя. Даже во время службы я никогда не противостоял большой группе противников, тем более один.

Я уже видел первых гноллов, несущихся навстречу мне. Некоторые заметили меня и ускорили свой бег, радостно гогоча и посмеиваясь, словно гиены. В их лапах я видел разнообразные виды оружия – копья, мечи, дубины. У одного, самого здорового из всех, я заметил огромный молот, похожий на кузнечный. Ужас вызывал не столько вид молота, сколько руны, высеченные на нем. Я нигде не видел подобные рисунки, выдающие оружие собственного производства, а не украденное у какого-нибудь ремесленника.

– Значит, делать оружие вы уже научились, – сказал я приближающейся толпе, вставая со скамейки и обнажая меч. – Посмотрим, как вы научились боевому искусству.

Как научились воевать первые ряды гноллов, я так никогда и не узнал. Монстры попали лапами в почти затянувшиеся болотные ямы, сделанные мной, и увязли там. Ничего страшного с ними не случилось, но сзади наседали дру-

гие ряды, поэтому гноллы оказались буквально втоптаны в месиво своими же сородичами. Но прорвавшихся ожидали ряды капканов, в которые они влетали с последующим лязгом. Бездушный железный механизм крепко вгрызался в ноги чудищ с ужасной силой, перекусывая кости, словно палочки. Визг и плач стоял жуткий. К припадающим на одну ногу гноллам я подскакивал, перерубая шейные позвонки, и сразу же отпрыгивал назад.

Сбоку от себя я заметил подобрравшуюся на опасное расстояние группу гноллов. Не мешкая, я бросил в них слезоточивую бомбу. Бомба разорвалась, ослепив монстров, которые побросали свои оружия и терли раздраженные глазницы. Я надел очки, кувыркнулся в самый центр группы и произвел круговой удар мечом, а затем отпрыгнул обратно. Все гноллы в зоне поражения бомбы превратились в кучу трупов.

Другую группу я попросту закидал обычными бомбами. Обуглившиеся тела падали, разваливаясь на куски еще в воздухе. Видимо, я набил слишком много пороха в бомбы, но в данный момент мне это было лишь на пользу. Гноллы, видя свою изрядно поредевшую армию и меня в центре этой армии, теперь уже не слишком спешили в атаку, ожидая, что товарищи нападут первыми.

Несмотря на сильный грохот, из деревни никто не вышел. Как я говорил, Сигнелли жили буквально на отшибе, а им самим я строго запретил выходить из дома. Бой был неравным, и хоть на моем счету и было уже несколько убитых чу-

дищ, я понемногу начинал отступать.

Здоровый гнолл с молотом уже вышел из болота и полосы капканов и теперь медленно, злорадно ухмыляясь, как могут ухмыляться только гноллы своими собачьими мордами, шел ко мне, обхватив длинную рукоять своими мощными руками. Я достал свой арбалет и, быстро прицелившись, выстрелил прямо в грудь здоровяка. Тот немного отшатнулся, но продолжил так же непреклонно подходить ко мне. Он будто чувствовал, что рано или поздно все равно дойдет до меня, и потому не торопил события, степенно перешагивая через тела своих мертвых товарищей. Я перезарядил арбалет и снова выстрелил, теперь стараясь целиться в бицепс правой руки гнолла, чтобы тот расслабил хватку и уронил молот. Болт прошил мускул насквозь и попал прямо в лоб другого гнолла, который торопился нанести мне удар раньше остальных. Сила удара откинула его обратно в болотную жижу. Здоровяк же словно не замечал порвавшейся мышцы – окровавленная рука так же крепко сжимала железную палку. Он уже почти настиг меня. Не сбавляя темпа движения, он стал заносить молот над собой, чтобы опустить всю его тяжесть на мою голову. Я знал, что мог, в принципе, в любой момент отскочить от удара, но я словно замороженный стоял на месте, а мои ноги стали будто ватными, настолько грозным выглядело все происходящее передо мной.

Ночной воздух прорезал, тихо дребезжа, тонкий дротик. Воткнувшись в нос большого гнолла, он остался там висеть.

Сначала гнолл не обратил на это внимания, но тут место вокруг укола быстро позеленело, вены под кожей монстра стали изумрудного цвета, а меня все это вывело из транса. Я отскочил в сторону, а гнолл ойкнул и свалился назад, выпустив свой молот из рук, который грохнулся прямо на грудь своего хозяина, проломив ему ребра со смачным хрустом.

Я оглянулся назад, откуда, как я понял, прилетел дротик, и увидел дриаду. Не могу сказать точно, та ли это была дриада, которую я видел недавней ночью, но она была очень на нее похожа. Дриада не обратила на меня внимания, она лишь подняла свою руку. Ближайшая к ней ветка дерева потянулась к руке и залезла, как змея, в ладонь, а потом оборвалась, оставив в хватке дриады новый дротик, который полудевушка-полулань незамедлительно метнула в следующего гнолла. Сбоку я заметил еще одно мелькающее движение, и вот я оказался в окружении нескольких дриад. Все они игнорировали меня, сосредоточив внимание лишь на армии гноллов. Не производя ни малейшего шума, кроме тихого шелеста веток, они метали свои смертельные дротики.

– Не знаю, какой из тебя охотник, доних, но воин из тебя еще хуже, – сказал внезапно появившийся рядом со мной тот самый эльф в широкополой шляпе, который задержал меня той ночью. Он уже снял свой композитный лук с плеча, и я смог увидеть, что в центре лука находилась платформа, чем-то похожая на мой щиток на правой руке, и которая, по-видимому, играла ту же роль. Привычным движением эльф вы-

ташил из колчана за своей спиной целых три стрелы, оканчивающиеся не оперением, как обычно, а пожухлыми осенними листьями грязно-желтого цвета. Когда он положил их на тетиву, листья вспыхнули странным фиолетовым огнем. Эльф что-то тихо прошептал под нос и выпустил стрелы. Все три стрелы поразили цели, каждая – свою, причем все они вошли в тела гноллов так, что горящие листья оказались прямо в самой груди. Мгновение – и фиолетовое пламя покрыло гноллов целиком, практически моментально превратив их тела в тлеющие угольки, которые рассыпались по тропе.

Эльф искоса взглянул на меня и, поразмыслив немного, пояснил:

– Природный огонь, доних, – амвитен. Враг леса сгорит заживо, не нанося окружающему миру ни капли вреда, а прах его послужит удобрением молодым растениям.

Но это не столь сильно волновало меня.

– Как ты управляешься с тремя стрелами сразу? – спросил я, начисто позабыв о тактичности.

Эльф усмехнулся.

– Я охотник, – сказал он. – Я не трачу лишнее время на охоту. Зачем убивать одно чудище, если можно убить троих?

Я не знал, что ответить. Эльф словно пытался поставить меня в тупик, показывая, насколько я бесполезен. Решив, что словами я доказать ничего не смогу, я вновь развернулся к гноллам и прицелил на них свой арбалет.

Армия чудищ все больше редела. Теперь они менее охот-

но стали лезть вперед. Наседающие сзади гноллы тоже обратили внимание на то, что их впереди идущие товарищи умирают быстро, не успев даже подойти на расстояние ближнего боя. Наконец, они приняли какое-то общее безмолвное решение и, развернувшись, обратились в бегство.

– Су ди-ретан! – воскликнул эльф на своем языке и помчался за остатками армии гноллов. Я побежал за ним, стараясь не отставать. Однако я бежал сквозь дебри, судорожно глотая воздух, а эльф несся как ветер, иногда перескакивая на ветки, не сбивая темп и не показывая ни малейших признаков усталости. Очевидно было, что он догонит дезертиров раньше меня. Уже на ходу он вскинул свой лук – удивительно, как он не задевал его о ветви и стволы деревьев! – и методично начал отстреливать гноллов, выпуская по три стрелы с природным огнем за раз. Я бежал позади, хоть и приближаясь к неуклюжим гноллам, но отставая от эльфа.

Пытаясь на ходу зарядить арбалет, я случайно выстрелил в верхушку кроны одной из нескольких растущих в округе сосен. Практически сразу рядом со мной кто-то шикнул, и я увидел дриад, скачущих рядом со мной.

– Извините, я не хотел! – попытался оправдаться я.

Не знаю, приняли ли мое извинение дриады, но они вдруг разбежались в разные стороны. Я не понял, с чем это было связано, ведь погоня еще не закончилась. Я попробовал выстрелить еще раз в отстающих гноллов. В этот раз это мне удалось, и пара чудищ с проткнутыми насквозь глотками,

пролетев лишнюю пару метров по инерции, свалились в густую траву.

Внезапно я нагнал эльфа. Тот стоял, глядя широкую поляну, возникшую прямо перед нами, посреди леса. Ровно посреди поляны выросла из земли пещера, неуютно зияя своим темным входом.

– Я не помню это место, – пробормотал эльф, не столько мне, сколько самому себе.

– Лес большой, все места не запомнишь, – ответил я. Эльф покачал головой.

– Нет, ты не понимаешь, доних, – сказал он. – Мы все знаем лес. Это наш дом. Если я говорю, что не помню это место, значит, оно появилось здесь совсем недавно. Тем более странно, что гноллы бежали сюда. Надо было оставить кого-то в живых... Можно было бы за ним проследить...

– Ты всех убил? – удивился я. – Тогда чего бояться? Возможно, в пещере никого и нет.

Эльф поглядел на меня как на сумасшедшего.

– Ты и правда слишком мал, доних, для охотника, – поцокал языком эльф, поправляя шляпу, съехавшую со лба. – Мало ли, что может быть в пещере. Если ты идешь куда-нибудь один, то наверняка за тобой следят. Если же ты идешь, следя за кем-то, то возможно, что за тобой никто не следит. Ты когда-нибудь выслеживал чудищ?

Я поразмыслил. Действительно, самим выслеживанием я никогда не занимался, обычно я просто устраивал засады и

ловушки. Эльф все понял по моему молчанию.

– Я так и думал, – сказал он, – тебе еще предстоит множество тренировок и множество охот.

Я взглянул на пещеру.

– По-моему, здесь довольно тихо, – сказал я. – Возможно, там действительно никого нет. Кто-то же должен это проверить!

– Даже не думай! – сказал эльф. – Это может быть опасно. Если ты чего-то не знаешь или сомневаешься, что знаешь – это несет опасность. Само незнание и есть опасность. От своего незнания ты можешь не только сам погибнуть, но и потянуть за собой других. Надо обследовать место вокруг, – решил он. – Советую тебе уходить отсюда, теперь это мое дело. Твоя деревня спасена.

– Моя деревня не будет спасена, пока не решится истинная проблема с гноллами! – возразил я. – К тому же, это не совсем моя деревня, я там живу лишь временно.

– И тем не менее забудь об этом, – ответил эльф, забросив лук на свое плечо и поправив плащ. – Остальное доделаю я сам. Найдешь дорогу обратно, доних?

– Да, – сказал я сухо. Конечно, эльф намного опытнее меня, но ведь это было мое дело, моя работа! Я хотел завершить начатое до конца, хотел принимать участие до самого завершения дело, а тут меня просто отталкивают в сторону.

Хорошо, что эльф не заметил моей душевной ярости и, удовлетворительно кивнув головой, скрылся сзади в кустах.

Я подождал немного и, убедившись, что эльф ушел далеко, обошел вокруг поляны. Ничего не найдя, я вышел из-за деревьев и подкрался ко входу в пещеру. Внутри было темно, но оттуда шел холодный воздух. Стены пещеры были сухими и потертыми. Все выглядело так, что пещеру никто никогда не обживал, но я сомневался. Не может быть, чтобы гноллы бежали в незнакомое место! К тому же эльф говорил, что никогда не видел эту поляну. Я собрался, взял себя в руки и заглянул внутрь.

– Стой! – услышал я за собой крик эльфа. Неужели он следил за мной?..

Из тоннеля пещеры, урча, вырвался мощный столп огня. Я инстинктивно закрылся щитком, и он спас меня от обугливания, хотя сам нагрелся очень сильно и начал жечь мне руку с внутренней стороны. Пламя несло с такой силой и скоростью, что оно выбило меня из пещеры и подбросило на много метров вверх. Я зачем-то посмотрел вниз и увидел бегущего мне навстречу эльфа. Потом мой взгляд переместился на уже затихшую пещеру, после чего я посмотрел на лес. Я никогда не видел Энтеррский лес сверху, да и не мог видеть. Красивый бирюзовый свет, прежде виденный снизу, теперь искрился серебром на кронах самых высоких дубов и сосен, словно на поверхности большого зеленого моря. Ночные птицы перелетали с одного дерева на другое, ища себе пару или пищу.

Мой полет замедлился и сменил направление. Теперь я

стал падать. Наверное, с того момента, как меня окутал огонь, прошла всего пара секунд, но для меня время замедлилось. Я чувствовал себя так, будто я уже умер и созерцал свое падение со стороны. Как я упал, я не почувствовал, так как потерял сознание еще в воздухе.

Очнулся я в теплой, мягкой постели. Вокруг меня было сумрачно, и я мог разглядеть лишь смутные тени. Постепенно мое зрение сфокусировалось, я стал различать предметы. Я пытался поднять голову, но не мог из-за слабости, сопровождаемой зудящей болью, растекающейся по всему позвоночнику при малейшем моем движении. Я застонал, не выдержав очередного наплыва боли. Внезапно сбоку от меня кто-то зашевелился, я повернул взгляд, не поворачивая голову, и увидел у своей постели сидящую девушку. У нее были красиво переливающиеся изумрудные волосы, чистое гладкое лицо с лиловыми глазами, маленьким носиком и тонкими губами. Девушка улыбнулась, встала, и тут я обратил внимание, что ее брови, тоже изумрудные, были длинные, как и ее уши, в которые были вставлены разнообразные серьги и другие украшения. Девушка вышла из моего поля зрения, оставив за собой только аромат свежих цветов.

Эльфийка! Но что она делала рядом со мной? Где я вообще нахожусь?

Я услышал шелест листьев и увидел перед собой лицо знакомого эльфа. Он наклонился надо мной так, что я мог разглядеть даже малейшие черты его лица. Самым странным

мне показалось то, что лицо его было слишком похоже на лицо той девушки, что вышла перед этим, разве что немного грубее (не считая, конечно, цвета волос и уж тем более наличия бороды).

– Тебе повезло, доних, – серьезно, без малейшей тени улыбки, сказал эльф. – Я не успел тебя подхватить, но перед падением пустил тебе под спину стрелы. Они прорвали тебе одежду и немного спину и протащили тебя по земле. Конечно, позвоночник у тебя поврежден, но иначе тебя бы просто сломало пополам, или расплющило.

Я хотел ответить ему, попытался открыть рот, но боль перешла из спины в горло, и я мог выдать из себя лишь очередной стон.

– Лежи тихо, доних, – ответил эльф. – Я сам тебе расскажу все. Ты лежишь тут без сознания пять дней. Мы втерли тебе в спину мазь из целебных растений. Конечно, болеть будет еще достаточно долго, но вскоре твоя спина заживет и все вернется на круги своя. А пока спи и отдыхай.

Эльф развернулся и ушел. Появилась эльфийка с ложкой и, наклонившись ко мне, стала вливать мне в рот густой травяной суп. Я жадно глотал, несмотря на свербящее горло, и каждый глоток супа успокаивал боль в моем теле. После кормления эльфийка вышла из комнаты. Я хотел ее дождаться, но после обеда мне очень сильно захотелось спать, и я буквально провалился в сон.

Таким образом прошли еще пять дней. Я просыпался в

полутемной комнате, ко мне приходила эльфийка, кормила меня супом и снова уходила. Иногда она приходила просто так и сидела рядом со мной, улыбаясь и взбивая мою постель. Один раз она пришла с каким-то странным музыкальным инструментом – колесом со струнами – и стала играть на нем очаровательную мелодию, тихо напевая в такт. Я слушал ее, и мне хотелось поблагодарить ее, но я все еще был слишком слаб.

Время от времени ко мне заходил и сам эльф, оглядывал меня и спрашивал эльфийку о моем здоровье. Из их разговора я не понимал ни слова, к тому же они разговаривали так тихо, что ничего не возможно было разобрать.

К исходу недели я уже набрался достаточно сил, чтобы мотать головой. Первым делом я оглядел свою комнату. Она был целиком круглая, со стенами, похожими на ствол дерева, покрытыми плющом с мягкими зелеными листьями. Вход в комнату был также закрыт занавеской из плюща, а единственное круглое окно, находящееся прямо напротив меня, было прикрыто какой-то тонкой бурой тканью, которая скрывала помещение от яркого солнца. Повсюду стояли резные кадки с цветами и небольшая мебель, украшенная красивым орнаментом.

– Ты уже вертишься, доних! – воскликнул эльф, неожиданно войдя в комнату и улыбнувшись, первый раз за все время после моего падения. – Значит, идешь на поправку.

Я сглотнул слюну и попытался заговорить.

– Ты... – начал было разговор я, но тут же остановился, испугавшись собственного сиплого голоса с жуткой хрипотой. Переборю себя, я продолжил: – Ты так и не назвал мне своего имени.

– Зачем тебе мое имя? – спросил эльф. – Хотя, насколько я помню, доних, ты представился мне, при первой нашей встрече – Гавилан, не так ли?

– Да, – ответил я. – Так меня зовут.

– Что ж, молодой Гавилан, тогда и я представлюсь, – эльф снял свою шляпу, раскинув свои длинные волосы, которые заструились вниз по его плечам, – Аурум Адамантис, охотник. Можешь называть меня охотником на чудищ, но у нас, эльфети, нет различий. Охотник – тот кто охотится, неважно, на чудищ или на животных, для защиты или для пропитания.

– Аурум... Эльфети... Я слышал, что вы зоветесь эльфами, а не эльфети...

Аурум поморщился.

– Эльфы – это ваше название, доних, – ответил он. – Исковерканное наше благородное слово. Эльфети – вот чистое имя для нас.

Я потупил взгляд.

– Извини, – сказал я, – я еще никогда не встречался с вами... То есть, до недавнего времени не встречался, и не знаю, как вести себя.

– Веди себя естественно, – сказал эльф. – Естественность

– вот главное в жизни. Ведя себя так, как ты себя чувствуешь, ты живешь полной жизнью.

В комнату внезапно вошла зеленоволосая эльфийка с плоской супа. Аурум взглянул на нее, надел шляпу и направился к выходу. У двери он повернулся ко мне и сказал:

– На сегодня достаточно разговоров, Гавилан, твоему горлу еще необходим покой. Алесия накормит тебя. Не разговаривай с ней, у тебя еще будет много времени.

– Хотя у доних никогда не будет много времени, – буркнул он себе под нос и ушел. Тем временем эльфийка поднесла мне суп ко рту. Теперь я уже мог самостоятельно пить из плошки, но держать ее у меня еще не получалось.

Алесия! Какое прекрасное имя у не менее прекрасной эльфийки! Я хотел было сказать ей слова благодарности, она приложила к моим губам ткань, вытерев остатки супа, и тихо сказала:

– Подожди еще, тебе было велено молчать. Горло еще не зажило до конца.

Эльфийка ушла, а я снова остался один, наедине со своими мыслями и душистым комнатным интерьером.

Теперь Аурум стал чаще ко мне заходить. Он спрашивал меня про мою жизнь, таким образом тренируя мою гортань, и я охотно рассказывал ему и про свое детство, и про учебу, и про свои приключения в роли охотника на чудищ. Эльф тоже иногда что-то рассказывал о себе. Я узнал, что ему семьдесят лет, что довольно мало для эльфов, живущих

по триста-четырееста лет, что Алесия – его младшая сестра, тоже охотница, которой было шестьдесят лет, что было вполне равноценно моим семнадцати годам. Сама Алесия тоже иногда заходила к нам, слушая наши диалоги и мои истории, но никогда сама не вступала в разговор, хотя я догадывался, что Аурум пересказывает ей про меня все, что она не слышала.

Меня стали кормить не только супом. Однажды Аурум принес пару тушек кроликов, и они с сестрой приготовили настолько вкусное и питательное рагу, что после целой тарелки я хотел еще немного, хотя и чувствовал, что в мой желудок больше не влезет.

– Животных можно убивать только тогда, когда это нужно для пропитания – в этом смысл охоты, – говорил Аурум. – Чудищ же, доних, нужно убивать сразу, так как они выбиваются из круговорота жизни, бездумно нарушая его.

К окончанию второй недели я мог уже достаточно свободно ворочаться в постели, привставать на руках и облокачиваться на край кровати. Вставать и вертикально держаться мне было еще тяжело, но той невыносимой боли, что раньше, я уже не ощущал.

Вечером одного дня Аурум зашел ко мне снова, поговорить. В середине нашей беседы он вдруг ответил мне:

– Знаешь, доних, ты ведь неправильно дерешься.

– Почему неправильно? – удивился я. – Я же побеждаю противников.

Эльф рассмеялся.

– Это показывает лишь беспомощность твоих противников, а не твое умение драться. Видишь ли, у каждого живого существа есть битх'бал, или, как говорят у вас – биологическое поле. Это невидимый шар, обволакивающий существо и состоящий из его внутренней энергии и ощущений. Существо чувствует себя комфортно, когда его битх'бал никто не нарушает, и начинает нервничать или впадать в депрессию, когда границы битх'бал нарушаются. Соответственно, в бою нужно учитывать, когда ты разрушаешь битх'бал врага, и стараться не допустить того же самого с твоим битх'бал. Ты видел, как сражаюсь я, – продолжил он. – Мое оружие – лук. Я стреляю и, следовательно, мои стрелы, даже если не попадают во врага, проходят через его битх'бал. До моего поля никто не достает, я не позволяю это сделать, пуская несколько стрел в ответ. Мое расстояние – моя защита. Ты же дерешься мечом, постоянно подвергая опасности свой битх'бал. Это неправильно, и этим пользуются твои противники.

– Что же мне делать? – спросил я. – Я учился сражаться мечом, и то, как я дерусь – это стиль абсолютного большинства мечников вроде меня.

– Вот почему ты плохой охотник, доних, – сказал Аурум, снова ехидно улыбаясь. – Когда ты найдешь свой собственный стиль и свое собственное оружие, когда ты научишься защищать свой битх'бал, тогда ты станешь селххет.

– Кем? – переспросил я.

– Селххет, – повторил Аурум. – Охотником, по-вашему. Вот только вы не вкладываете в это слово той силы и того значения, как мы в свое. Для людей ты можешь быть сколь угодно хорошим охотником, но я никогда не назову тебя селххет.

Следующим утром, когда Алесия принесла мне завтрак, я спросил у нее про брата.

– Не придавай слишком много значения словам Аурума, человек, – сказала эльфийка, улыбаясь. – Он добрый и справедливый, но он всегда четко разделяет границы между понятиями.

– В каком смысле? – спросил я. – И он, и ты называете меня человеком.

– Может быть, но Аурум не назовет тебя человеком на твоём языке. Как бы ты ни стал ему близок за последнее время, ты для него все-таки чужой – доних, как он говорит. Ты должен сделать что-то очень значимое для него, чтобы он тебя принял как родного.

– А ты? – вопросительно посмотрел на Алесию я. – Ты меня называешь человеком, не донихом. Как ты меня принимаешь?

Щеки Алесии еле заметно порозовели, и она молча вышла из комнаты. Я остался сидеть наедине с завтраком, который медленно остывал, стоя на низенькой тумбе. Может, я сказал чересчур много и задел, пусть даже словами, то самое поле,

о котором говорил Аурум?

Больше мы с Алесией не разговаривали на эту тему, а совсем скоро я стал понемногу вставать на ноги с кровати, и Аурум сообщил, что выйдет со мной из комнаты на прогулку.

– Будь готов увидеть то, что мало кто из вас видел, других, – сказал он, поддерживая меня, когда я встал.

Выйдя наружу, я обнаружил себя на широком пространстве, заполненной зеленью. Передо мной находилась большая площадь, разделенная клумбами на соединенные друг с другом окружности, по которым прогуливались... Нет, не люди. Все прохожие были эльфами – высокие, статные, с длинными ушами и волосами всевозможных расцветок и причесок. Я оглянулся назад и увидел, что домик, где я лежал, был маленьким и круглым, в виде цветочного дерева. Оглядевшись вокруг, я заметил, что везде стояли такие же домики, в них эльфы жили и отдыхали. Впереди меня, далеко впереди, стояло гигантское дерево, которое уходило глубоко вверх, через облака. Дерево обвивала целая сеть этажей, многоуровневых домиков, мостов, во многих местах в стволе были вырезаны большие красивые дупла. С громадных толстых веток дерева свисали могучие лианы, на которых болтались маленькие качельки с играющими детьми. Сверху искрились теплые яркие лучи солнца, без проблем прорываясь через густую крону дерева, заливая густым красно-желтым светом полянки с большими, раскинувшими ши-

рокие фиолетовые листья, цветами. Воздух благоухал тяжелым запахом нектара, мяты и еще множества других растений, включая такие, запах которых даже я, не понаслышке знакомый с травничеством, не мог распознать. Вокруг летали тысячи насекомых, включая светлячков, шмелей, медоносных пчел и бабочек, но они, как ни странно, не издавали ни малейшего звука вроде жужжания, словно благоговей перед священной тишиной лесного дома.

– Добро пожаловать в Дадал’Тревар, единственный и великий город эльфети! – воскликнул Аурум Адамантис, раскинув руки, словно втягивая в себя энергию внезапного порыва ветра, образовавшегося перед ним. – Хоть ты, доних, и находишься здесь половину месяца, сам город видишь впервые. Немногие доних видели его, так что тебе очень повезло!

– Немногие? – удивился я, не прекращая смотреть вокруг себя. Теперь я разглядывал самих эльфов. Все одежды у них были сделаны из природных материалов, практически никак не обработанных – листьев, лепестков цветов, стеблей, древесной коры – но тем не менее прекрасно сидящих на них, словно сама природа специально выращивала и сшивала эту одежду для эльфов.

– Были случаи, когда доних приходил в наш город, – отвечал на мой вопрос эльф. – Разные причины были у них появиться здесь, но все оставляли эту тайну при себе. К сожалению, некоторые умудрялись разболтать о нашем городе другим, но дальше слухов и легенд дело не дошло.

– Но как же вы прячетесь, если в вашем городе растет такое большое дерево, которое заметно переросло все остальные деревья в Энтеррском лесу? – поразился я.

Эльф помолчал, а потом вдруг спросил:

– Ты видел когда-нибудь свое сердце?

– Нет, конечно, – ответил я, не понимая, к чему он ведет.

– Это дерево – сердце Энтеррского леса, – сказал Аурум. – Сам лес оберегает и укрывает его, ведь без этого дерева он сам погибнет. Мы – хранители Сердца леса и его защитники. Мы помогаем лесу оберегать дерево своей древней магией. Если лес не захочет, никто никогда не увидит Сердце леса и Дадал’Тревар.

Мимо нас прошел эльф, настолько большой и высокий, что был выше даже Адамантис. Он был одет в толстую, похожую на металлическую, броню, сплошь покрытую шипами. На эльфе не было ни малейшего свободного места, где не торчал бы шип. Я не мог проверить, но был твердо уверен, что шипы были остро заточенными, а может, и ядовитыми.

– Показиуаещь доних сэрге? – спросил он Аурума, улыбаясь мне, с жутким акцентом на людском языке.

– Да, Энтиэль, этому очень повезло, что он видит город, – ответил ему Аурум, дружески, но в то же время почтительно, поклонившись. Энтиэль улыбнулся и поклонился в ответ и тут же сказал, переходя на эльфийский:

– Слания ждйот ти ин седе тейлой, Аурум. Техват, – и, развернувшись, он ушел по дорожке к сторону дерева.

– Что он сказал? Что за Слания? – спросил я Аурума.

– Слания – наша с Алесией мать, – неожиданно сухо ответил эльф. – Она меня ждет зачем-то. Иди в дом. Алесия принесет тебе еды. Погуляем в следующий раз.

Я немного расстроился, но послушаться не смел. Я был не в том положении и месте, чтобы противиться приказам Аурума. Когда Алесия пришла ко мне, я не удержался и спросил ее:

– Ваша мать строго к вам относится? Почему Аурум так поменялся в настроении, упоминая ее?

Алесия вздохнула и, судорожно сглотнув, ответила:

– Наш отец был охотником. Он погиб, защищая нас и нашу мать, спас нас от гибели. Мы с Аурумом поклялись стать охотниками в честь отца, а мать была против. Она – жрица леса, и хотела, чтобы я тоже стала жрицей. Аурум всегда меня защищал, и тут он тоже защитил меня, настроив себя против матери. В итоге они разругались до того, что Аурума лишили привилегий. Теперь они почти не разговаривают друг с другом, но Аурум повинуетя ей, ведь ее положение выше, чем его, к тому же она все-таки наша мать. Прости, – она снова вздохнула, – я больше ничего не могу сказать тебе...

Она хотела уйти, но я удержал ее за плечо – хоть она и была ниже старшего брата, мы были с ней одного роста – и ответил:

– Это ты меня прости... Я не должен был расспрашивать тебя об этом.

– Нет-нет, – закивала головой Алесия. – Ты так много рассказал о своей жизни, а мы почти ничего не говорили о своей...

Остаток ужина мы провели молча. Я неспешно доел свою порцию травяного супа, и Алесия вновь ушла, но теперь мне было действительно жаль, что она меня покидает в таком настроении.

Во время нашей следующей прогулки мы с Аурумом прошли намного дальше, обойдя всю обширную площадь по периметру.

– Скажи, Аурум, – начал я. Эльф кивнул:

– Да? – спросил он.

– Ты мне говорил, что драться нужно так, чтобы не задевать свое биологическое поле. Но я видел твоего товарища... Энтиэля. Кто он? Воин?

Аурум усмехнулся и ответил:

– Он селххет, как и я. У нас нет воинов, мы ни с кем не воюем. И он сражается, защищая свой битх'бал, обнимая врагов своими доспехами и прижимая к своим острым шипам.

– Но ведь получается, что он подпускает врагов слишком близко и нарушает границы поля! – возразил я.

– Нет, доних, – отрицательно покачал головой Аурум. – Ты снова ничего не понял. Он защищает свой битх'бал, облакая его в свои доспехи. Враг не может подойти ближе, чем надетый на Энтиэля доспех, и задеть его поле. При этом Энтиэль, прижимая врага к себе, разрушает целостность бит-

х'бал противника. Его способ хоть и отличается от моего, тем не менее направлен на одно и то же. Твой меч для тебя – плохое оружие. Почему, спросишь ты? Ты не можешь защитить свой битх'бал мечом, враг постоянно прорывает его и выходит обратно. Получается, границы твоего поля в бою беспрестанно разрушаются, ты их не контролируешь. Если враг тоже владеет мечом, то получается, что дерясь, вы попеременно разрушаете битх'бал друг друга, и проигрывает тот, кто вымотается быстрее. Если бы твое поле не нарушалось, ты бы никогда не вымотался. Возможно, ты вспомнишь свои предыдущие бои и то, как ты сильно уставал после них, не столько физически, сколько морально?

Я уже в который раз промолчал на вопрос Аурума, осознавая, что опять он в какой-то степени оказался прав. Часто я ощущал себя опустошенным после долгой драки с преступником, когда уже казалось, что он вот-вот проткнет тебя своим остро заточенным клинком, но судьба складывалась иначе. Тогда я думал, что побеждал за счет своего мастерства, но теперь, после слов эльфа, стал сомневаться в этом. Было ли это действительно мое мастерство или же просто большая удача? Сложно было ответить.

– Вот почему мне не нравится твой меч, – продолжал эльф. – Однако, твой арбалет мне нравится, потому что, как и лук, позволяет атаковать битх'бал врага, не допуская его к себе. Если бы ты его не перезаряжал так долго, то это было бы превосходным оружием. Твои бомбы, – подумал

он, – возможно, тоже вполне подходящее оружие, помогающее расправиться с противником на расстоянии. Но мне оно не нравится, так как задевает много лишнего при взрыве и наносит вред природе.

Я задумался о словах Аурума. С его точки зрения получается, что все мои дополнительные способы борьбы с чудищами на самом деле являются главными, и что я дерусь совсем не так, как надо. Я не мог до конца поверить эльфу, ведь годы обучения фехтованию не могли пройти просто так! И все же в моей голове начали закрадываться мысли сомнения о моем стиле сражения.

– Я разговаривал со Сланией, – сказал внезапно Аурум. – Она говорит, что тебе пора уходить. Ты уже почти излечился.

– Да, я излечился, – согласился я. – Я премного благодарен... Но разве я ничего не могу сделать взамен? Или остаться еще здесь на некоторое время?

Аурум молчал. Он опустил свою громоздкую шляпу на лоб так низко, что я не видел ничего, кроме его тонкой черной бороды.

– Она говорит, что ты можешь принести беду в Дадал’Тревар, – вдруг сказал он, нарушив нашу тишину. – Возможно, что, зайдя в ту странную пещеру, ты пробудил чудовище.

– Какое чудовище? – спросил я. – Там было чудовище?

– Не чудовище, – ответил Аурум, не поворачиваясь ко мне, – чудовище. Доних, ты не знаешь разницу между ними?

– Ну, чудовище – это зверь, не входящий в основной цикл

жизни природы, – стал объяснять я. – Цель чудища – беспричинное уничтожение и разрушение. Насколько я знаю, чудища стали часто появляться в мире лет сорок назад...

– А чудовища?

– Я не понимаю, – признался я. Аурум вздохнул и ответил.

– Бывает, что чудища вырастают до невообразимых размеров и мощи и становятся угрозой не просто какому-то животному, доних или эльфети, а целому городу или того больше – всему миру. Такие монстры называются чудовищами, повелителями чудищ. Да, они могут использовать других чудищ для достижения своих целей, и сами являются не такими глупыми и прямолинейными, как чудища. Правда, чудовища появляются крайне редко, – Аурум снова замолк на несколько секунд. – За свою жизнь я сталкивался с чудовищем один раз. Тогда погиб мой отец...

– Тогда ты поклялся стать охотником, – прошептал я.

– Нет, – ответил эльф, услышав мою фразу, – тогда я поклялся стать селххет, как и моя сестра. Но Слания была против. Она хотела, чтобы Алесия стала жрицей. Я вступился за Алесию... Теперь я Адамантис.

– Что это значит? – спросил я, недоумевая. – Я думал, это твоя фамилия...

– Нет, – отрезал Аурум. – У нас нет фамилий, доних. Мы принадлежали к высшим эльфети, Дарконис, касте жрецов. Но Слания на правах матери отняла наше звание, и мы стали отреченными, которых эльфети называют Адамантис. Ада-

мантис не имеют права голоса на общем совете и они должны сами заботиться о себе, не получая помощи от других эльфети. Но мне, как и Алесии, это неважно, главное – отомстить за смерть отца.

Голос Аурума был тверд, но все же где-то внутри ощущалось отчаяние. Видимо, эльф уже не первый год пытается восстановить свое имя, но не знает, откуда начинать поиски того чудовища, которое убило его отца.

– Я могу увидаться со Сланией? – спросил я. – Я мог бы попробовать поговорить с ней...

– Нет, – сухо перебил меня Аурум. – Доних не может видаться с Дарконис, это строго запрещено. Вообще, я слишком много тебе рассказал. Тебе следует молчать о том, о чем мы говорили сегодня, иначе тебя точно будут ждать неприятности.

Больше мы не разговаривали, до самого конца прогулки. Аурум проводил меня до моего домика и сразу же ушел, тихо и бесшумно, и даже шаль на входе не шелохнулась за его широкими плечами.

Значит, все то, что Аурум с Алесией делали здесь для меня, они делали самостоятельно, не получая помощи от других эльфов? Но зачем им нужно было выхаживать меня? Я был не более полезен для них, чем кто-нибудь другой из людей. Вообще, чем больше я находился в Сумрачном Городе, тем больше я путался в его устройстве. Были ли все отреченные изгоями или они все-таки играли какую-то роль в жизни

эльфов? Что такого особенного делают Дарконис? Есть ли другие эльфийские касты?

Мои размышления прервала вошедшая со своим любимым музыкальным инструментом Алесия. Она тихо уселась на стульчик, положив инструмент на колени, и сказала:

– Я хотела немного спеть тебе нашу песню...

– Что это за песня? – тихо спросил я.

– Она посвящена нашему народу, – ответила Алесия, настраивая длину струн на колесе. – Эта песня о том, что мы потеряли и что обрели взамен... Я всегда думаю о нашем отце, когда пою эту песню... – Она дернула ручку, прикрепленную к колесу, и стала его крутить. Из инструмента понеслись красивые мелодичные звуки, и тут Алесия запела. Ее голос звучал спокойно и волшебно, изящно переплетаясь с гармонией инструмента, перекатываясь, словно морские волны, то становясь быстрее и громче, то наоборот, тише и медленнее, и все это завораживало и навевало самые разные мысли, о прошлом и о будущем, и заставляло сердце внимать песне и стучать ей в такт, будто соглашаясь с историей, которую песня пыталась донести. Звонким голосом звучал голос Алесии, словно у меня в голове:

*А улати, мон атрон,
А брохен компрохон,
А хсту, уратуи уорробион...
Кенетлон, клоуисьон,*

Кауарон, калетон...

Пока она пела, мне казалось, что я понимаю смысл слов, не тот, который звучал в песне Алесии, а тот, который был скрыт за самими строчками, который мог понять любой, впус- тивший эту песню в себя, в свое сердце. Когда Алесия за- кончила петь, казалось, что мимо меня прошла целая веч- ность, весь золотой век эльфийской истории.

– Ты так мечтательно задумался, человек, – грустно улыб- нулась она. – Надеюсь, тебе понравилось.

Я просто кивнул, так как у меня не хватило бы слов, чтобы описать все впечатления, которые я испытал от этой песни.

Так же печально улыбаясь, Алесия вышла из комнаты. Мир погружался в вечернюю тьму, и я, успокоившись от кра- сивой мелодии, легко и непринужденно уснул в мягкой по- стели.

Очнулся я от холода. Где-то сверху я слышал тяжелый шум льющей, как из ведра, воды.

– Где я? – спросил я, испуганно озираясь.

– В Энтеррском лесу, – ответил стоящий рядом со мной Аурум. – Я вывел тебя из Дадал’Тревара, пока ты спал. На- стало время нам расстаться.

– Прямо так? – удивился я, протирая спросонья глаза. – Но я ведь не был одет в свое снаряжение, и вещи я тоже не взял.

– Если ты согласишься на себя, – сказал эльф, натягивая

шляпу на лоб. – Ты увидишь, что какой-то молодой доних одет в снаряжение охотника, с сумкой на плечах и палкой, – тут он подкинул мне шест-водомерку, – в руках.

Я подхватил шест и оглядел себя. Действительно, я был одет абсолютно так же, как тогда, когда дрался против армии гноллов.

– А как же спина? – спросил я.

– Твоя спина полностью зажила, – сказал из-под шляпы эльф. – Если ты про рваные дырки сзади на одежке, то они залатаны так, словно ничего и не рвалось.

Проверить слова Аурума у меня бы не получилось, но я ему охотно поверил.

– Твоя деревня в той стороне, не слишком далеко, – показал пальцем Аурум. – Больше я тебе ничем помочь не могу, доних. Тебе придется добираться одному. Техват!

Эльф шагнул назад в кусты и исчез, будто его тут и не было. Я остался один под плотной желтой листвой молодой омелы, посреди болота, да еще и в сильный ливень.

Я уже совсем забыл, что я пробыл в эльфийском городе три недели, а тем временем уже давно наступила осень. Странно, как в Дадал’Треваре поддерживалась теплая, ясная погода, тогда как весь Энтеррский лес беспрестанно заливало ливнями, как сейчас? Уровень воды в озерах и болотах существенно поднялся, теперь стало сложнее найти брод. Вся земля в лесу превратилась в сплошную слякоть, на которой было нетрудно поскользнуться. Сквозь пелену падаю-

щих дождевых капель я видел не дальше, чем на десяток метров. Понятно, что эльф не специально выкинул меня в столь суровое время, но неужели он не мог меня довести прямо до деревни, тем более зная, где она находится? На мгновение эта мысль скользнула в моей голове, но почти сразу же сменилась другой – я задумался, как Аурум пробирается сквозь лес под таким же дождем?

Я пошел в ту сторону, куда указал мне эльф-охотник. Нащупывая более-менее твердую почву шестом, я медленно перебирался по чащобе. Вокруг себя я не видел ни животного, ни чудища – никакого живого существа. Никто не осмеливался выйти под такой сильный дождь, лишь я один шел под открытым небом, да и то не совсем по своей воле. Окружение вокруг меня не менялось, повсюду преобладали серо-коричневые цвета, а воздух почти целиком состоял из водного пара, в котором было довольно тяжело дышать. Внезапный порыв ветра изменил угол падения капель, решивших теперь найти все щели в моей и без того насквозь промокшей одежде, и сорвал с деревьев уже пожухлые темно-красные листья, часть из которых врезалась в меня и так и осталась, прилипнув к сумке, рубашке и штанам. Вода тоненькими ручейками стекала с моих волос мне за воротник, щекоча лопатки.

Случайно перед собой я наткнулся на несколько стоящих друг рядом с другом деревьев, ветки которых были сломаны. Пройдя чуть вперед, мой шест наткнулся на что-то твердое

на земле, звякнувшее глухим железным эхом. Я наклонился и опустил руку под воду. Рука нащупала древко металлического оружия. Я поднял его и увидел, что это не что иное, как гнолловское копье. Похоже, что я пришел на дорогу, по которой мы с эльфом и дриадами догоняли остатки армии гноллов. За три недели копье уже полностью проржавело и безвозвратно испортилось. Я уставился на это копье и задумался. Глянув вправо, я заметил, что там тоже были сломаны ветки, к тому же из воды торчали наполовину обглоданные кости. Похоже, что погоня велась в ту сторону, хотя в такую погоду обнаружить это было почти невозможно. Что-то екнуло у меня в груди, я повернулся направо и пошел туда.

В конце должна быть поляна с той самой злополучной пещерой. Я был уверен, что огонь вырвался из нее не просто так. К тому же Слания, по словам Аурума, говорила, что в этой пещере, возможно, пробудилось некое чудовище. Под таким ливнем пламя мне не грозит, единственное, чего я боялся – что саму пещеру затопило, и я не смогу туда забраться, ведь неизвестно, какой она величины и формы.

За себя я уже не боялся – я и так промок насквозь и наверняка простужусь. Сейчас у меня была одна цель – пещера.

Мимолетом я подумал о Ауруме и на мгновение остановился. А вдруг эльф снова следит за мной? Может, он опять попытается остановить меня, как пытался в прошлый раз? Вот только поможет ли он мне теперь, когда я, не смотря ни на что, снова его послушался... Но я отбросил эту мысль и

снова продолжил свой тихий путь. Вряд ли эльф присматривает за мной, слишком уж дрянной была погода.

Деревья передо мной расступились, и я вышел на ту самую поляну, где потерял сознание три недели назад. Сквозь пелену дождя я пытался всмотреться в середину этой поляны, которая сейчас была самым настоящим озером, окруженным со всех сторон густым лесом. Но зрение меня подводило – я не мог обнаружить холмик, обозначающий пещеру, хотя он явно должен был проступать над текущим уровнем воды.

Я решил подойти ближе и направился, как я подумал, в центр поляны. Внезапно землю подо мной повело в сторону, я не удержался и заскользил ногой по илу. Вскинув в последнем рывке руки, я упал, захлебнув пару глотков грязной воды. Встав на руки, которые моментально окоченели под водой, я откашлялся и попытался встать. Ступни не сразу могли нащупать твердое основание, чтобы я мог опереться, но наконец у меня получилось присесть сначала на колени, а потом и на прямые ноги.

С ужасом я понял, что в падении уронил свой шест-водомерку, и теперь он лежал где-то на дне этого достаточно большого озера, если его не унесло подводным течением или не засосало под зыбкое илистое дно. Но делать было нечего, и я, нащупывая ногами путь, пошел дальше.

Кажется, я дошел уже до середины поляны – я мог видеть деревья на другом краю озера, но холма я так и не обна-

ружил. Что же это могло значить? Не могла же пещера пропасть просто так, моментально, без каких-либо признаков завала или чего-то подобного? Или я вышел на совсем другую поляну? Но такое просто не могло произойти, ведь я шел точно по следам, оставленным убежавшими тогда гноллами. Но где же пещера? На этот вопрос я нигде не мог найти ответа.

Пройдя еще немного времени по поляне в тщетных попытках поиска, я понял, что надо возвращаться в деревню. Правда, теперь это было сложнее – я потерял шест, измазался в грязи, наглотался воды и продрог. Борясь с ознобом, пытающимся заставить мои конечности дрожать мелкой беспоконной дрожью, я поспешил по обратному пути. Сделать это было не так просто, даже с учетом того, что я только что здесь проходил – ведь я не оставлял следов, идя по грязным ручьям, затопившим лес.

Не знаю, сколько времени я шел по лесу, постоянно спотыкаясь или утопая по бедра в воде. На лес уже опускались сумерки, когда я, жутко дрожа от холода, наткнулся на небольшую возвышенность, до которой не достала вода. Впереди я заметил разъехавшуюся тропинку и только теперь понял, что я уже совсем близко от деревни.

Как раз, когда я ступил на дорожку, ливень стал прекращаться и вскоре от него остались только редкие капли, падающие с громким хлопком по всему лесу вокруг. Я волочил ноги, набирая комки глины носками своих сапог. Хлюпанье

ног впереди заставило меня поднять взгляд. Я увидел перед собой деревню. У калитки дома Сигнеллей стояла перепуганная Таинка, а ее отец Мордрент, звучно топча своими широкими ботинками, бежал ко мне, держа в руках развернутое толстое меховое одеяло. Из деревни выходила размытая фигура, но приглядевшись, я распознал в ней старосту Таллиана-Энтейне. Он стоял на дороге, укоризненно глядя на меня и держа в зубах свою вечную трубку с дымящимся табаком. В его руке я увидел венок из омелы, который Таллиан, недолго думая, швырнул далеко в сторону, прямо в грязь. В носу внезапно защекотало, и я громко и протяжно чихнул...

Глава 3. Форма, жизнь, движение, смерть

Тяжелая, дождливая осень Энтеррского леса подошла к концу и успокоилась, уступив место прохладной зиме. В отличие от других регионов Телехии именно осень, а не зима, была временем, когда жители леса отдыхали от своих дел и сидели целыми днями дома. Осенью весь лес был затоплен бесконечными дождями, а зимой вся вода замерзала и превращалась в сплошной каток. С неба постоянно падал тихий снежок, который еле-еле укрывал уставшую землю и талял от одного лишь прикосновения к нему. Зима в Энтерберге и окрестностях под ощущениям была даже немного теплее осени, благодаря защите древних высоких деревьев, спасавших людей от холода и ветра. Поэтому в начале зимы я выбрался из деревни Таллиана-Энтейне, поблагодарив всех за кров и за то, что вылечили меня от простуды, вызванной долгой прогулкой по осеннему лесу. Таллиан от лица деревни поблагодарил меня за спасение от гноллов, довольно щедро вознаградив меня. Половину награды я оставил старухе Бергезиль – ей деньги куда нужнее.

Зимний Энтеррский лес был бесподобно красив – теперь густую зелень заменил ослепительно белый снег, а не успевшие высохнуть ручьи покрылись льдом чуть ли не до самого

дна. Все вокруг блестело и сверкало и даже в мыслях не возникало каких-либо опасений по поводу того, кто мог скрываться за любым из кустов, мимо которых я проходил, хотя зимой лес не становился менее опасным из-за населяющих его хищных животных и страшных чудищ.

У меня не было цели прийти в какое-то определенное место, поэтому я просто шел по лесу, осматривая красоты зимнего пейзажа. Редкие животные, в основном белки да мыши-полевки, попадались мне, внезапно выскакивая из своих подснежных лабиринтов, ошарашено глядя на меня и тут же исчезая за низкими кустами спящих малиновых кустов. Один раз мне встретился лось, который абсолютно безразлично посмотрел в мою сторону, не переставая медленно и методично разжевывать мох, который в изобилии рос на коре деревьев.

К вечеру – а вечерело теперь рано – я проголодался. Уже начинались сумерки, и я решил поймать какого-нибудь мелкого зверька, чтобы поужинать. Как назло, все мыши и хомяки куда-то пропали, и мне пришлось брести дальше, и только легкое поскрипывание снежинок под ногами немного приглушало недовольное урчание в моем животе.

Уже перед самой ночью я заметил пробегающую полевку. Она, видимо, тоже заметила меня и юркнула в небольшой сугроб. Словно лиса, я прыгнул за ней, на ходу доставая нож. Разрыв сугроб, я обнаружил, что в нем у полевки было гнездо. В окружении сухого хвороста и листьев сидели три

мышки, обреченно глядя на меня. Не то, чтобы мне совсем не было их жалко, но организм требовал пищи. Я вспомнил слова Аурума о том, что животных убивать нужно только для пропитания, а я жутко хотел есть. Тримя точными ударами я получил трех в меру упитанных грызунов.

Используя гнездо полевок, которое никому больше не пригодится, для розжига костра, я освежевал зверьков, распотрошил их и, насадив на длинную палку, стал поджаривать на костре. Параллельно я поддерживал огонь, подкидывая ветки, отломанные у соседних деревьев и кустов. Худо-бедно поужинав, я достал спальный мешок, сшитый из двух толстых одеял, взятых в деревне. Я залез в мешок, пристроившись поближе к теплому костру, который еще горел, и уснул здоровым сном.

Костер еще долго тлел, и тепло от него шло всю ночь, за которую никто меня не потревожил. Проснувшись утром, я быстро собрался, аккуратно замел следы своего ночного пребывания и пошел дальше. Желудок как бы ненароком напомнил мне своим легоньким бурчанием, что неплохо было бы и позавтракать, но я решил пройти еще немного пути хотя бы до полудня.

Благодаря теплой шерстяной одежде, которую мне отдала Бергезиль, связавшая ее специально для меня в качестве благодарности за помощь в хозяйстве, я не мерз, лишь лицо чуть-чуть ощущало холодное прикосновение зимнего мороза. От ходьбы мне даже стало немного жарковато, но я про-

должал идти, не останавливаясь.

Жар становился нетерпимее, и спустя время я уже обливался потом. Сначала я думал снять с себя часть одежды, но потом заметил, что жар чувствуется с одной стороны, причем с каждым моим шагом тепло только увеличивалось.

Я заподозрил неладное и ускорил свой шаг в сторону тепла. Живот разочарованно заурчал, но у меня не было времени отвлекаться на еду. На ходу я расстегнул свою накидку, раскрыв под ней легкую рубашку, и перешел на бег.

В воздухе запахло какой-то гарью. Не замедляя бег, я вскинул голову наверх и увидел серый дым, расползавшийся по небу. Я побежал в его сторону и увидел большой пожар.

Горела церковь, стоящая в лесу. Из-за деревянного каркаса огонь быстро охватил все здание, подтачивая глиняные стены, которые теперь слабо держались, лишившись опоры. Пожар переместился с церкви на стоящие по соседству деревья, растапливая их верхушки, отчего и шел такой мерзкий дым. К счастью, все деревья были покрыты снегом, поэтому огонь не мог так быстро распространиться, но он упорно желал продолжать свое разрушительное шествие по лесу.

Внизу туда-сюда сновали монахи, бегая с различной посудой всевозможных объемов – от плошек до ведер и ушатов. Они забегали куда-то за ближайшую березовую рощу и возвращались оттуда с водой, которую незамедлительно выплескивали на церковь.

– Что тут происходит? – спросил я пробегающего мимо

послушника в белой одежде, покрывшейся копотью. Сначала он не обратил на меня внимания, поэтому мне пришлось задержать его, ухватив крепко за плечо.

– Демоны напали! – испуганно прокричал послушник. – Спаси нас святой крест!

Священное учение крестоворота было широко распространено по всей Телехии. В принципе, ничего такого особенного оно собой не представляло, кроме призыва почитать нерушимый годовой ход солнца и звезд, а также неукоснительно исполнять посты и заповеди, которые, как они верили, были даны им самим создателем нашего мира. Священники крестоворота не были яркими распространителями своего учения и никого не призывали к нему насильно – наоборот, они ратовали за добродетельные качества человека. Однако, кроме веры в бога, они также были слишком подвержены вере в сверхъестественных существ, вроде ангелов и демонов.

– Какой демон?! – прокричал я ему в ответ, пытаюсь переорать треск обуглившихся бревен. – Нет тут никаких демонов!

Послушник в испуге отрицательно задергал головой.

– Нет, нет! – кричал он. – Я сам видел. Демон вышел из леса и наказал нас за нашу веру! О, великий Создатель, защити нас от беды! – запричитал он.

Со стороны церкви послышался булькающий смех. От колокольной башни отделилась огромная вспышка пламени и,

пролетев вокруг церкви, зависла над входным крестом. Приглядевшись, я увидел в пламени едва заметные очертания глаз и рта, а внизу – небольшой вихрь, благодаря которому пламя держалось в воздухе на одном месте.

– Это элементар! – воскликнул я. Некоторые служители, услышав мой голос, остановились, будто осмысливая сказанной мной.

– Огненный элементар? – переспросил послушник.

Я помотал головой.

– Тебя как зовут? – спросил я послушника.

– К-клемм, – ответил, немного сбившись, послушник.

Я ответил ему:

– Понимаешь, Клемм, не бывает каких-то определенных элементарей – огня там или воды. Элементарь сам по себе – это совокупность всех четырех изначальных элементов, которые переходят один в другой прямо на ходу. Вон, сейчас, – я ткнул пальцем в висящее пламя, – элементарь перешел в огненную форму, однако снизу он оставил воздушную, – я переместил палец на вихрь, – чтобы летать.

Элементарии были опасными чудищами, так до конца и не изученными охотниками. Они постоянно перетекали из одного состояния в другое, причем могли перевоплощаться как полностью, так и по частям. Бывалые охотники писали в своих bestiариях, что четыре изначальных элемента представляют собой четыре стороны существования элементаря: земля – форма, вода – жизнь, воздух – движение, огонь –

смерть. Будучи в земляной форме, элементаль приобретал свойства огромного валуна с тяжелым весом и силой удара какого-нибудь великана. В водяной форме элементаль растекался, когда ему нужно было просочиться через небольшой проем или избавиться от назойливого противника. В форме воздушной элементали летали, парили и неслись с умопомрачительной скоростью, моментально достигая того места, куда они хотели попасть. И, наконец, в огненной форме они творили разрушения и несли гибель всему живому.

Откуда появлялись элементали и как они рождались, никто не мог дать ответа. Зачем они уничтожали все вокруг себя, тоже никто не знал, кроме того, что элементалей сложно разозлить, если не потревожить их место обитания. Но главное, что вывели охотники – это то, что в самом центре субстанции элементалья находился довольно твердый осколок, похожий на многоцветный кристалл, который назывался средоточием стихий. Если каким-либо образом вытащить или выбить средоточие стихий из элементалья, то он погибнет. Естественно, просто так достать средоточие стихий элементаль не давал, защищая свой источник существования любыми способами.

Охота на элементалей была трудна, если не знать, как с ним сражаться. Неопытные люди пытались тушить огонь элементалья, выпаривать воду, сдувать вихри – все это было без толку, ибо элементаль вбирал в себя огонь или воду, отражая удар обратно в атакующего. Главное правило боя

с элементом было простым – не использовать в бою изначальные элементы. Оружие для борьбы с элементом не должно было содержать ни землю, ни огонь, ни воду, ни даже воздух. Многие новички терялись, думая, что это правило невозможно соблюсти – ведь все в мире состоит из изначальных элементов. Однако я знал, что данное правило не надо было выполнять досконально. По сути, почти любой искусственно созданный предмет подходил для боя. Например, мой меч был хорошим оружием против элемента, ибо он был создан из металла, который не являлся изначальным элементом.

Я достал из-за спины свой клинок, прикидывая, как можно достать элемента, зависшего над догорающей церковью. Однако долго думать мне не пришлось, так как чудище заметило меня и, яростно завывая, понеслось вниз ко мне.

Монахи в ужасе разбежались в стороны, а Клемм, испуганно глядя на элемента и неистово крестясь, стоял там же, где я его остановил, не двигаясь. Левой рукой я оттолкнул послушника в сторону, и тот от неожиданности свалился на колени и тут же, опомнившись, быстро отполз в сторону. Сам я отскочил в другую сторону, и вовремя, потому что в следующее мгновение элементаль с глухим грохотом врезался в землю, растопив снег и спалив дерн под ним.

Я повернулся в сторону чудища, держа меч наготове и сокрушаясь по поводу того, что кроме меча и арбалета за плечом у меня больше ничего при себе не было. Но эти мысли

испарились, когда я увидел происходящее перед собой.

Огонь элементаля словно впитался в землю, которая затвердела и стала менять цвет с темно-коричневого на серый, камня на глазах. Внезапно камень поднялся наверх, на ходу обретая форму гуманоида – маленькую шипастую голову, толстое туловище, небольшие крепкие ноги с широкими ступнями и огромные шершавые округлые руки с большими кулаками. Выглядело это существо как каменный голем, подходя одновременно и на нагромождение булыжников, и на антропоморфного монстра. Из глазниц элементаля струился вверх темно-сизый дымок. Элементаль вскинул руку для удара и тяжело опустил ее на то место, где я стоял секунду назад. Кулак чудища оставил огромный кратер на этом самом месте, а сам монстр снова развернулся ко мне, разминая плечи, словно решив сровняться с моим темпом сражения.

Я стоял перед элементом в боевой стойке, выставив меч вперед. Честно говоря, я не очень понимал, как смогу противостоять камню стальным клинком. Элементаль гневно взглянул на меня чадящими глазами, дым из его глазниц повалил еще сильнее. Монстр открыл свою пасть и издал роко-чущий рев, вызвав небольшой ветер, который заставил трепетать мои длинные светлые волосы. Некоторые пряди попали мне в глаз и рот, а элементаль, словно ожидая этого момента, рванул ко мне, моментально сократив дистанцию и заведя левый кулак для горизонтального удара. Я едва успел выставить щиток, прикрыв голову правой рукой. Каменный

кулак врезался в щиток, который завибрировал от сильно-го столкновения и треснул. Я почувствовал гудящую боль в месте удара и мысленно поблагодарил сломанный щит за спасение руки от неминуемой травмы. К сожалению, больше ничего для защиты у меня не было, а элементаль уже завел свой правый кулак. Я оказался быстрее его, сориентировавшись и ударив клинком по занесенной руке, целясь в место, где, по моему мнению, соединялись соседние булыжники. Как ни странно, это сработало – меч прорубил руку элементаля насквозь, и кулак упал на землю, разбившись на куски. Элементаль дико взревел, а я улетел по инерции дальше. Это меня спасло, ибо левая кисть элементаля расплавилась и превратилась в шипящую струю огня, которую он сразу же направил в то место, где я был в момент атаки.

Ноги элементаля встали рядом друг с другом и срослись вместе, скрутившись и обратившись в неистовый вихрь, поднявший своего хозяина на пару метров в воздух. Обе руки элементаля – и левая, и правая, которая отросла обратно – превратились в лавовые шары. Элементаль завис над мной и стал попеременно обеими руками швырять в меня огненные всполохи, которые при ударе с землей поджигали уснувшую под снегом траву, заставляя ее чадить серым смрадом. Я умело уворачивался от снарядов, попутно доставая арбалет. Вскинув его на руку и не особо целясь, я выстрелил в центр чудища. Болт вошел в твердую каменную плоть элементаля и застрял там, но ненадолго, так как вскоре те-

ло элементаря расплылось, превратившись в мягкую землю, и болт, немного покачавшись, вывалился из монстра, гулко плюхнувшись на подтаявший снег.

Я не растерялся и быстро перезарядил арбалет, теперь уже точнее целясь в центр элементаря. Однако первый же выстрел пролетел мимо него, потому что монстр вовремя заметил летящий болт и превратил все свое тело в один сплошной вихрь. Воздух вокруг него завертелся, ускоряясь с каждым мгновением, захватывая с собой старые пожухлые листья и летящую от горевшей церкви золу. Элементарь наклонился вперед, ко мне, и полетел прямо мне навстречу, злорадно ухмыляясь, что было видно по темной ломаной линии, изображающей пасть чудища, а также щурящимся чадящим глазам.

Вихрь подхватил меня, пронеся немного вдоль поверхности земли, от чего мои ноги немного проехали по снегу, а один ботинок не удержался и сорвался, прокатившись, словно колесо, до ближайшего оврага, где он благополучно затерялся.

Элементарь же немедленно понес меня наверх, удерживая в своем маленьком смерче. Мои конечности болтались так, словно мне не принадлежали. Я пытался удержать меч в руке. Наконец, у меня получилось вывернуться так, что я смог несколько раз махнуть по туловищу монстра клинком. Однако это не увенчалось никаким успехом. Я надеялся задеть хотя бы одним ударом средоточие стихий, которое наверняка там скрывалось, но у меня ничего не получилось. Со сле-

дующим взмахом от элементаря отделилась воздушная рука, превращаясь в водяной столп, который затормозил движение моего меча. Как только меч оказался в толще воды-руки, та сразу же превратилась в землю, а потом – в твердый камень. Рот элементаря расширился, будто улыбаясь, и тут же каменная клешня стала сжиматься вокруг стального оружия. Послышался жуткий треск, после чего камень разжал свою хватку, и я увидел множество металлических осколков, летящих далеко вниз, поблескивая от вспышек пожара.

Мой меч! Это было мое, пусть и не самое лучшее в мире, но тем не менее достойное оружие, которое я с честью носил с собой. Его мне подарил Двиллий на окончание школы. Я тогда уже умел им владеть, так как учился фехтованию у знакомых мастера-следователя. Пусть эльф Аурум и говорил, что меч – плохой выбор для боя, он оставался для меня частью жизни. Теперь же эта часть уносилась от меня в виде кучки обломков.

Элементарь довольно нес меня все выше и выше. Некоторые деревья, самые молодые в лесу, уже остались позади, и мы летели рядом с высоченной трехсотлетней сосной, которая едва не задевала меня своими длинными, широкими хвойными ветвями. Я судорожно стал перебирать в уме все вещи, которые у меня остались с собой. Почти наугад, я выхватил толстую колбу широким горлышком из-за ремня на груди и пустил ее в грудь элементаря, но немного промахнулся и прошел под тем местом, где у людей бывает левая

подмышка, а у чудища это было воздушной ямой на встрече двух соседних торнадо.

Дым из глаз элементаря перестал падать, а я услышал дребезг колбы и увидел, что внутри стеклянной посуды лежит, переливаясь всеми цветами радуги, небольшой кристалл в форме правильной призмы. От кристалла исходил ровный теплый свет, и я ни капли не сомневался, что это и есть средоточие стихий. От радости я вскрикнул, но тут же осекся.

Очертания элементаря стали расплываться, вихри унесло настоящим, природным ветром, и я остался один в воздухе, без какой либо поддержки. На секунду повиснув в небе, я стал падать вниз. Мне вспомнилось падение после взрыва из пещеры, но теперь меня некому было спасать – эльфа рядом не было, а монахи не смогут так быстро сообразить. На мое счастье, я быстро обернулся и увидел древнюю сосну, которую мы с элементарем так и не обогнали по высоте. Падая, я задвинул колбу со средоточием стихий за ремень и постарался подобраться ближе к толстому стволу. Вот я уже был совсем близко. Я попытался взяться за ствол руками, но мое падение было слишком быстрым, и я моментально стер ладони. От неожиданно возникнувшей боли я закричал. Мозг лихорадочно пытался придумать другое решение. От безысходности я подтянулся к стволу еще ближе. Осознавая, что я скоро упаду, а удержаться надо, я понял, что мне нужна какая-нибудь защита на ладони, но такой защиты не было. Взглянув на руки и осознавая свою глупость, я прильнул к

сосне и обнял ее руками, защищаясь рукавами своей рубашки. Голову я отвел назад, чтобы ненароком не стереть себе лицо. Тонкий лен быстро стирался и становился тоньше, зато я, крепко держась за сосну, заметно замедлял свое падение. Чуть погодя, я обхватил ствол еще и ногами, прижавшись коленями. Так я и соскальзывал, пока не стукнулся задом об одну из веток, торчавших на моем пути.

Я взглянул вниз и увидел, что до земли оставалось всего немного, примерно пару десятков метров. Ошалевшие священники, отвлекшись от тушения церкви, заметили меня и, бурно что-то обсуждая, притащили откуда-то широкое полотно, расстелив его точно подо мной. Я устало вздохнул и упал вниз.

Меня наскоро осмотрели и, удостоверившись, что я более-менее в порядке, убежали обратно тушить пожар. Я вылез из кучи полотна и увидел рядом с собой Клемма с взъерошенными темно-бордовыми волосами, покрытыми пеплом.

– С-спасибо, что помог, добрый человек, – робко ответил он.

– Да уж, было бы за что благодарить, – печально ответил я, осматривая себя.

У меня были в кровь стерты руки и сильно ушиблены локти с коленями. Про одежду и говорить было нечего – все было разодрано до такой степени, что не поддавалось починке. Про свое оружие я даже не хотел вспоминать – в схватке с элементом я остался охотником без снаряжения.

Однако ходить и таскать тяжести я все еще мог, поэтому я вскочил на ноги и, кивнув Клемму в сторону других священнослужителей, сказал:

– Пошли помогать.

– Как? Ты же ранен! – удивился Клемм.

– Ну не настолько, чтобы просто смотреть на горящую церковь, пока остальные трудятся – ответил я и пошел к шеренге водоносов.

Работа шла быстро и скоординировано, а главное, элементаль больше не мешался, поэтому довольно скоро весь пожар был потушен. Огонь, к сожалению, практически полностью съел все здание церкви и половину колокольной башни, а также несколько деревьев в округе, зато амбар и крытый загон с животными, пусть и чудом, но остались целы.

Во время тушения я заметил, что Клемм тихо, но рьяно помогал своим братьям в работе, стараясь сделать даже больше, чем от него рассчитывали. Сказать по правде, мне это показалось несколько странным по сравнению с первым ощущением, которое оказал на меня этот робкий послушник. Он выглядел маленьким и щуплым, особенно по сравнению с остальными монахами, рослыми и коренастыми.

Когда пожар закончился, все священники собрались вместе на переключку, и старый, седоватый с проплешиной, игумен с большим железным восьмиконечным крестом на шее называл поименно каждого человека, спрашивая о его состоянии. К счастью, все были на месте, и никто (кроме меня)

не был ранен. В конце переклички игумен подошел ко мне и спросил мое имя. Игумен, в свою очередь, представился мне как отец Лоуренс.

– От лица всего церковного прихода и от лица Создателя, что живет над нами и созерцает наши жизни, благодарю тебя, Гавилан, за избавление от напасти! – ответил отец Лоуренс. – Позволь же нам в ответ приютить тебя, излечить твои раны и привести тебя в порядок.

Я, конечно же, согласился. Так или иначе, мне пришлось бы здесь остаться – у меня не было ни одежды, ни оружия, ни тем более еды, при этом я был изрядно голоден.

Всю следующую неделю я пробыл в приходе. Отец Лоуренс, словно специально, приставил ко мне Клемма для ухода за ранами. Сам я в стороне не оставался и при любом случае помогал священникам восстанавливать церковь. Большие суровые монахи, вроде братьев Тарайля и Жешшена, срубали и стачивали деревья для каркаса церкви, монахи-кузнецы исправляли помятый колокол и делали дверные крепежи, а такие, как Клемм – не обладавшие особым умением послушники – собирали вокруг приходского озера, которое находилось поблизости от церкви, глину для укрепления стен. Я исполнял роль разнорабочего, стараясь помогать всем, кому нужна была помощь.

Обедали мы в амбаре, где также временно проживали. Клемм всегда подсаживался ко мне, восхищенно слушая мои истории про чудищ. Оказывается, он родился в дерев-

не неподалеку от леса и, хоть номинально его деревня относилась к региону Ланира, много жителей промышляло охотой в окраинах Энтеррского леса. Клемм с детства грезил охотой, но однажды его внимание привлекли странствующие монахи, проходящие мимо его дома. Внешний вид сильных людей, посвятивших свои жизни служению вере и помощи окружающим людям, привлек его еще больше, и вот он оказался в лесном церковном приходе, помогая старшим собратям по хозяйству и готовясь стать полноценным священником.

– Знаешь, Гавилан, я никогда не думал, что есть охотники на чудищ, – сказал однажды за обедом Клемм, тщательно прожевывая солонину. – Я думал, что существует просто охота – на животных, и мечтал о том, как буду ходить в лес и снабжать добрых людей свежим мясом и шкурами. Но потом я понял, что смогу сделать больше – уже даже сейчас – будучи причастным к церкви крестоворота.

– Причем, Гавилан, он неплохо справляется, – ответил сидящий рядом с послушником Тарайль, похлопывая Клемма по плечу, от чего тот стеснительно съежился. – Еще немного, и он станет хорошим монахом. Вот только немного храбрости ему не хватает, даже не знаю, как ему вообще в голову пришло быть охотником.

Я улыбнулся и сказал:

– Мечты не всегда отражают внешние признаки человека, но всегда отражают внутренние. Главное, что Клемм стре-

мится к своей мечте во что бы то ни стало.

– Это ты верно говоришь, – согласился Тарайль и вытер рукавом грязную от каши бороду. – Хоть ты и сам молод, но способностей у тебя хоть отбавляй. – Он сделал три больших глотка вина из кружки и довольно крякнул.

Восстановление церкви шло скоро, но никакая работа не могла отвлечь меня от грустных мыслей о моем мече. Я не знал, что мне делать и куда деваться – никакой покупной меч не мог быть близок к тому, что был у меня, ни по качеству, ни по удобству. С печалью смотрел я на оружейные стойки крестоворотцев, вытасенные из старой церкви – там были и кистени, и шестоперы, и боевые вилы, которые монахи называли трезубцами. Мне казалось странным, что среди всех видов оружия, хранящихся в приходе, не было ни одного обычного. Я не удержался и спросил отца Лоуренса, почему так.

– На церковь много кто может посягнуть, Гавилан, – отвечал он. – Нам неоткуда ждать помощи, приходится защищать самих себя. Мы не такие умелые бойцы, как закаленные в бою воины и наемники, но мы обладаем небольшой хитростью. Да, все оружия здесь необычны, зато каждый наш монах долгое время тренируется сражаться с их помощью и достигает в этом какого-то мастерства. Владей он мечом, он бы тоже мог сразиться с противником, но здесь все иначе. Нестандартным оружием сложно драться, не скрою, но также сложно и драться против него. Например, ты, Гавилан, умеешь биться против кистеня?

– Не знаю, – признался я. – Я никогда не сражался. Возможно, я смогу справиться, ведь у меня есть опыт сражений с чудищами, которые сами по себе имеют врожденные нестандартные оружия. . .

– Но ты не уверен, – подытожил Лоуренс. – Ты, хоть и научен боевому искусству, не знаешь всех особенностей сражения против кистеня, его отличия от меча или топора. А монах, который учился драться кистенем год или два, знает, как себя ведет это оружие, и может не только предугадать ход боя, но и развернуть его в свою сторону. Для нас это важно, ведь мы оберегаем не только свои жизни, но и весь приход, и свою веру в целом.

После этого разговора я всерьез задумался о новом оружии. Мне стало понятно, что нужно научиться владеть таким оружием, против которого никто не умеет воевать. Таким образом, мечи, топоры, копья и кинжалы отбрасывались сразу. Если я выберу себе такое оружие, которого ни у кого нет, то потом мне будет легче сражаться против людей и даже чудищ. Я обходил оружейные стойки по много раз, разглядывая наиболее полюбившиеся экземпляры. Но ничто не смогло меня взбудоражить – ни кистень, ни шестопер, ни странное оружие в виде двух палок, скрепленных цепью, которые монахи называли двубиткой. Я не мог ни к чему привыкнуть. По ночам, когда все спали в общей зале, я сидел и безуспешно пытался что-либо придумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.